

Лев Самойлов
Борис Скорбун

ТАИНСТВЕННЫЙ ПАССАЖИР

Шпионы. Дело №...

Лев Самойлов

Таинственный пассажир

«ВЕЧЕ»

1954, 1956

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Самойлов Л. С.

Таинственный пассажир / Л. С. Самойлов — «ВЕЧЕ», 1954,
1956 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-8995-2

В настоящий сборник включены три повести — «Паутина» (1954), «Таинственный пассажир» (1954), «Прочитанные следы» (1956), написанные Львом Самойловым и Борисом Скорбиным — классиками советского шпионского детектива. В каждой из них напряжённый, запутанный сюжет, агенты вражеских разведок, которые прячутся под разными масками. На пути их хитроумных, многоходовых планов становятся не только профессиональные чекисты, но и простые советские люди: от сторожа колхозного сада до пионера-тимуровца. Маски будут сорваны, враг разоблачён.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8995-2

© Самойлов Л. С., 1954, 1956

© ВЕЧЕ, 1954, 1956

Содержание

«Любимый город может спать спокойно!»	6
Паутина	10
Глава первая. «Ягуар-13» получает задание	10
Глава вторая. Подарок фрау Гартвиг	13
Глава третья. Сиротинский на жительство в Москве не значит	19
Глава четвертая. Признание инженер-майора Барабихина	24
Глава пятая. Сомнения лейтенанта Рябинина	30
Глава шестая. В центральном универмаге	32
Глава седьмая. Первый визит лейтенанта Рябинина	34
Глава восьмая. Увлечение Таси Барабихиной	40
Глава девятая. Прыжок «Ягуара»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лев Самойлов, Борис Скорбин

Таинственный пассажир

(Повести)

© Самойлов Л.С., наследники, 2023

© Скорбин Б.П., наследники, 2023

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

* * *

«Любимый город может спать спокойно!»

В нашей серии выходят книги, написанные преимущественно в 50-е годы прошлого века – время расцвета советского шпионского романа. Тогда практически мгновенно возник его канон. Нам хорошо знакомы его элементы. От мудрого седовласого полковника – любителя крепкого чая с лимоном, до бойкого пионера, демонстрирующего недюжинную наблюдательность и знающего наизусть номер телефона, по которому следует звонить старшим товарищам. Есть научные открытия – предмет охоты агентов иностранных разведок. Открытия совершают рассеянные профессора со включенной шевелюрой и речью с явно старорежимными, но симпатичными обращениями «милостивый государь» и «сударь».

Но этот канон возник не на пустом месте. Более того, шпионский роман пятидесятых во многом переосмыслил, переписал сюжеты, модернизировал героев детективных историй предшествующих десятилетий. Наш сегодняшний автор – уникальный случай, на примере которого можно проследить трансформацию жанра. Речь идёт о Льве Самойловиче Самойлове (1906–1978). Под этим именем в соавторстве выходили его шпионские повести «Таинственный пассажир» (1954), «Паутина» (1954), «Прочитанные следы» (1956). Но в истории жанра он оставил свой след гораздо раньше. Правда, под другим именем. Своим. Как Лев Зильвер. В 1938 году он издаёт «Быть начеку!», а в следующем году «Миллионы глаз». Первая книга вышла в серии «В помощь пионервожатому. Беседы в пионерском отряде». Издательство в предисловии расхваливало книгу, подчёркивая её актуальность: «Славная деятельность советской разведки, направленная к разоблачению и выкорчевыванию всех врагов народа – шпионов, вредителей и диверсантов – глубоко интересуется и волнует нашу детвору. Советский народ и его дети – пламенные патриоты своей Родины – помогают советской разведке в её трудной борьбе с врагами.

В настоящем сборнике собран ряд рассказов о коварных методах агентов фашистских разведок, засылаемых в нашу страну капиталистическими государствами. В рассказах показана та огромная работа, которую ведут славные наркомвнудельцы, руководимые сталинским наркомом тов. Н.И. Ежовым, а также та любовь, которой окружает советский народ свою славную советскую разведку».

Коварные методы агентов фашистских разведок должны были поразить воображение детворы. Например, в рассказе «Преподаватель» изучение немецкого языка на одном из оборонных заводов закономерно привело к печальному результату:

«Вечером, после работы, члены кружка собрались в красном уголке на первое занятие. Вскоре пришел и преподаватель.

Это был аккуратный низенький старичок, в больших роговых очках, очень подвижной и смешливый».

Старичок особо налегал на необходимость совмещения изучения языка с практической деятельностью участников кружка. Он предлагал написать сочинения на тему «Мой цех», «Что мы дали в этом году», «Наш завод и оборона страны». Финал преподавательской деятельности закономерен:

«...И искренне были удивлены работники завода, в первую очередь слушатели кружка, страдающие идиотской болезнью – беспечностью, узнав, что столь уважаемый ими безобидный старичок-преподаватель оказался опытным шпионом, заклятым врагом Советского государства».

Некоторые из текстов Зильвера явно опередили своё время. Так, в рассказе «Старушка» можно найти чуть ли не мотивы из романов ужасов Стивена Кинга. Дети во дворе, примыкающем к военному заводу, играли в прятки. Одиннадцатилетняя Света решила спрятаться в подвале:

«Слева к самой стене примыкает дверь черного хода. Крутые ступеньки ведут вниз, в сырой и темный погреб.

Раз, два, три! Светлана стремительно бросилась к двери черного хода, потом вниз по лестнице.

«Как холодно, сыро! Но что это? Здесь уже кто-то есть!»

На нижней ступеньке лестницы сидела старушка. Голова ее повязана платком, и вся она какая-то сморщенная. Таких старушек Светлана видела только тогда, когда проходила с мамой мимо церкви.

– Деточка, миленькая, все бегаешь, играешь, – сказала старушка, обращаясь к Светлане. – А я вот, старенькая, зашла к сынку, а его нет, квартира заперта, вот сижу, отдыхаю, жду, когда придет.

Светлана внимательно разглядывала старушку, ей совсем не было страшно. Только донимало любопытство. Почему это отдыхать она спустилась в погреб, где так холодно, сыро, грязно? Почему она не идет во двор, на улицу, где так весело, много солнца, тепла?

Старушка оказалась доброй и словоохотливой. Порывшись в кармане, она протянула Светлане конфету, и какую – «Мишку»! Девочка их так любила.

Тем временем старушка подымалась со ступеньки, на которой сидела. Она была маленькая, вся в черном.

Пальцы у нее все время двигались. «Как паучата», – подумала Светлана.

Старушка подошла к девочке и стала гладить ее по голове. И от этого прикосновения стало как-то неприятно. Светлана отодвинулась в сторону.

– Деточка, миленькая, а что это за дом, рядом с вашим? – продолжала свои расспросы старушка.

Светлана поразились. Как это старушка не знает, что там завод! И поторопилась объяснить ей это.

– А у ворот зачем дядя с ружьем стоит?

Светлана пожала плечами.

– Это же часовой, он охраняет завод.

– И никого туда не пускает?

Девочке захотелось похвастаться.

– Меня пускает!.

Словоохотливая Света вовремя одумалась, и старушка была обезврежена:

«Навстречу торопливой походкой, озираясь по сторонам, спешила старушка.

У самых ворот ее задержали».

Как потом оказалось, старуха, конечно, неспроста пробралась в погреб, неспроста выпытывала у Светланы, где стоят часовые.

«Эта старуха была участницей шпионской организации, которая собиралась взорвать завод.

Из погреба они хотели сделать подкоп под каменную стену завода. Для успеха преступникам надо было выяснить, как организована охрана завода, где стоят часовые.

Бдительность ребят помешала этому гнусному преступлению».

Полагаю, что читатель серии уже почувствовал разницу между шпионскими историями конца тридцатых и нашими авторами. Цель Зильвера – напугать читателя, погрузить в состояние тревоги, а значит, и неуверенности. Да, вот, эти конкретные агенты разоблачены, но волны старичков и старушек буквально накатывают... Отбиться от них непросто. А теперь финал повести «Таинственного пассажира»:

«Наступило молчание. Никто и не заметил, как пришла ночь – мягкая, тихая, ласковая. В окно было видно тёмное небо, густо усеянное звёздами. Лёгкий ветерок едва шевелил прозрачную занавеску. Издалека глухо гудело море.

– Город уже спит, – задумчиво сказал Дымов, поднявшись и глядя в окно.

– Любимый город может спать спокойно! – продекламировала Татьяна Павловна строчку из известной песни. И эти слова неожиданно, но естественно как бы подвели итог разговору чекистов.

Ремизова встала с дивана и подошла к Дымову. Теперь все трое стояли у окна, любуясь ночью и с удовольствием вдыхая освеживший воздух.

– Любимый город может спать спокойно! – повторил Дымов, обнимая за плечи друзей. В эту фразу он вложил большой и понятный всем смысл».

В конце тридцатых подобная благодность невозможна, а даже и преступна. «Спать спокойно» нельзя, так как «враг не дремлет». Популярность же книг из нашей серии у читателей той эпохи объясняется правильным соотношением между экшеном и идиллическим описанием жизни советского человека. Опасность, исходящая от шпиона, – только тень от облака, не способная омрачить праздничной светлой стороны света, на которой находится Советский Союз. Как раз эту картину мы наблюдаем, когда читаем повести Льва Самойлова, написанные с его соавтором. Пришло время рассказать о нём.

Им стал Борис Петрович Скорбин (1904–1972). Будучи комсомольцем, он написал популярную в двадцатые годы песню, несколько строк из которой мы помним до сих пор:

Наш паровоз, вперед лети!
В Коммуне – остановка.
Иного нет у нас пути —
В руках у нас винтовка.

В последующем Борис Скорбин связал свою судьбу с теми самыми органами, о работе которых он и рассказал в своих повестях. В 1936 году ему присвоено звание младшего лейтенанта государственной безопасности. Стоит напомнить, что звания в системе НКВД не соответствовали армейским аналогам. Их следует поднимать, как минимум, на две ступени вверх. Скорбин работал в УНКВД по Саратовской области и занимал там ряд ответственных постов. Последняя его должность – заместитель начальника 3-го отдела областного управления. Он был уволен из органов в апреле 1939 года согласно 38-й статье. Пункт «в» данной статьи гласил: *«Невозможность использования на работе в Главном управлении государственной безопасности»*. Сейчас трудно назвать причину увольнения Скорбина. Можно лишь предположить, что оно произошло вследствие «эмоционального выгорания» или в рамках борьбы с «ежовским наследием». В любом случае, Скорбин не был репрессирован и вернулся к тому, что он явно любил – литературной работе.

В предвоенный период войны Скорбин работает в ведомственной столичной газете «Чёрная металлургия». После начала войны Скорбин пытается добиться отправки его на фронт. Он пишет заявление в Дзержинский райком ВКП(б), в котором говорит о себе: *«Я старший политрук запаса, квалифицированный журналист, литератор, опытный чекист». Скорбин готов к любой армейской работе: «Если нет потребности в работниках фронтовых газет, то меня можно использовать политруком роты, батальона, любого подразделения, учреждения. Я бывал под пулями, владею винтовкой, Наганом¹, умею хорошо водить автомашину»*. В конце заявления звучат слова, похожие на клятву: *«Я хочу с оружием в руках драться против фашистов. Прошу Вас сделать всё зависящее от Вас, чтобы меня призвали в ряды Красной Армии и отправили на фронт. Обещаю драться с врагами самоотверженно, не щадя жизни, и вести себя в бою так, как должен вести коммунист»*. Сейчас эти слова для кого-то звучат пафосно,

¹ Так в оригинале.

но история доказала искренность людей, подобных автору заявления. Просьба Скорбина была выполнена.

Войну он прошёл фронтовым журналистом, печатался как в армейских газетах, так и в «Красной звезде». В 1944 году ответственный секретарь газеты «Вперёд на врага», выпускавшейся для воинов 4-й гвардейской танковой армии, майор Скорбин получил медаль «За боевые заслуги». В мае 1945-го он награждается орденом Отечественной войны первой степени.

Чем объясняет послевоенное сотрудничество Самойлова со Скорбиным? Думаю, что есть несколько ответов на этот вопрос. Во-первых, достаточно высокий статус Скорбина мог помочь в продвижении рукописей, что и видно по хронологии издательской серии соавторов: по книге в год. Это достаточно впечатляющий результат, учитывая, что Самойлов и Скорбин помимо представленных повестей выпустили впоследствии ещё несколько книг: «Идущие стороной» (1962), «Рядом с тобой» (1963), «Служители зла» (1964), тематически выходящие за рамки нашей серии.

Во-вторых, Скорбин следил за технической стороной повестей: соблюдением принципа жизненности в описании охоты на шпионов. Здесь история старушки из подвала вряд ли бы стала основой сюжета. Классический советский шпионский роман требовал разоблачения врагов, исходящего не из параноидальной установки на тотальное присутствие врага: бери почти любого смешливого старичка – не ошибёшься. Говоря современным языком, требовался процедурал – коллективное расследование, осложненное ложными версиями и неожиданными ходами противника – элементами, без которых невозможен детектив как таковой. Замечу, что одна из задач упомянутого в начале нашего разговора седовласого полковника – остужать энтузиазм юных лейтенантов и предлагать рассматривать все версии.

В любом случае писательский дуэт Льва Самойлова и Бориса Скорбина состоялся и произвёл впечатление на советского читателя. Насколько он преодолел своё время – решать уже нашим современникам.

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Паутина

Глава первая. «Ягуар-13» получает задание

– Ваш визит в Советскую Россию тщательно подготовлен. Угроза провала почти исключена. Успех дела зависит от вас самих. Необходимо все поскорее закончить и вернуться обратно. Долго ждать мы не можем. Вы давно не были на родине, но это не существенно. Оглядитесь – и начинайте действовать. Чек на ваше имя подписан. Деньги сможете получить через полчаса после возвращения и отчета здесь, в этой комнате... Кстати, о времени, напоминаю: каждое воскресенье, в 18.00, я жду донесений «Ягуара». Волна вам известна, и точно в 18.00, ни минутой позднее, ни минутой раньше. Точность нужна всюду, в нашем же деле – особенно.

– Да, конечно!

Этот лаконичный разговор происходил в начале мая 1952 года, ночью, в отдельном кабинете ресторана «Белая лилия», расположенного на одной из многолюдных улиц Западного Берлина. В кабинете находились двое. Молодой высокий мужчина лет тридцати, в спортивном костюме коричневого цвета, и низенький старик, ничем непримечательного вида, если не считать его блестящей лысины, обрамленной редкими седыми волосами, и слегка опущенных припухших век, которые делали лицо старика сонным и безжизненным.

У старика был высокий шишковатый лоб. На лбу смешно топорщились редкие кустики седых бровей. Старик постоянно шевелил бровями, не подымая на собеседника полузакрытых глаз. Вся его поза – усталая, стариковская – никак не соответствовала ни тону, ни приказаниям, которые он произносил короткими, отрывистыми фразами и которые так почтительно выслушивал его собеседник.

– У вас будет мало времени, – говорил старик. – Поэтому вы должны проявить дьявольскую активность. Полагаю, что вам следует придерживаться разработанного плана.

Молодой мужчина кивнул головой.

– Однако, – продолжал старик, – я не собираюсь лишать вас инициативы. Инициатива многого стоит. Но, зная ваши качества, я думаю, что план разработан правильно, с учетом способностей «Ягуара-13».

Слабая улыбка промелькнула на лице собеседника, но старик этого не заметил. Глядя куда-то в пространство, он продолжал:

– Все свое внимание сосредоточьте только на одном объекте! Только на одном! Это – единственная ваша цель, единственное задание, которое должно быть выполнено во что бы то ни стало, и чем скорее... – Старик пожевал губами и тем же бесстрастным голосом добавил: – Мы долго ждать не можем. Если вы окончательно убедитесь в невозможности добыть материалы, уничтожьте объект. Любым способом! Естественно, что в этом случае вознаграждение будет, соответственно, уменьшено. Надеюсь, вам известно, что за грубую работу мы платим меньше.

Внимательно слушавший мужчина чуть заметно пожал плечами. Ему хотелось возразить старику, своему шефу, что именно в этом случае ему, «Ягуару», грозит смертельная опасность, что именно в этом случае – попадись он, его наверняка не пощадят, и тогда уж ему не нужны будут ни чеки, ни наличные... Но «Ягуар-13» был дисциплинирован, натренирован и давно уже привык скрывать свои чувства и желания. Годы учебы в разведывательной школе не прошли даром. К тому же он хорошо помнил слова начальника школы, в прошлом видного эсэсовца Отто Клейбниха о том, что этот чудаковатый старик, специально приехавший для последнего инструктажа, – крупнейший чиновник Разведывательного управления.

– Старик не любит, когда ему возражают, а в его руках наша жизнь и наша смерть, – так несколько патетически говорил Отто Клейбних, поучая своих воспитанников. И сейчас «Ягуар-13» внимательно слушал, не спуская глаз с этого вялого, лысого старика.

Из-за стены, из зала ресторана «Белая лилия», доносились лязгающие звуки джаз-оркестра. «Ягуар» поймал себя на мысли, что невольно слушает музыку, и она мешает ему сосредоточиться. Он даже на какую-то долю секунды забыл о своем строгом собеседнике, забыл о том, что ему предстоит выполнить не совсем обычное и очень опасное задание. Он даже представил себя уже обладателем кругленькой суммы в долларах, которые дадут ему возможность. Возможность? Нет, никакой возможности! И сейчас, именно сейчас, он как-то особенно ясно понял это. Никакой возможности! Кто он, носящий кличку хищного зверя – ягуара? Тоже хищник! Человек без родины, маленькое звено большой, тяжелой цепи, к которой прикован навсегда. Этим звеном он стал несколько лет назад, когда еще шла война. Люди его страны, в которой он родился и вырос, сражались на фронтах, трудились в тылу. А он?.. Духовно опустошенный, озлобленный, равнодушный ко всему, он изменил своему народу, отрёкся от своей Родины, стал предателем... Конечно, не последнюю роль сыграли деньги, угрозы, трусость... Не стоит вспоминать. Он сам выбрал свой путь, путь «рыцаря плаща и кинжала». Рыцарь плаща и кинжала! Во всяком случае, это звучит куда лучше, чем «шпион и диверсант». Нет, он ни о чем не жалеет... Родина, народ, идеалы – все это пустые фразы, болтовня!

Эти мысли отвлекали, мешали слушать, а слушать было необходимо, ибо его хозяева начинали крупную игру, ставкой в которой была его жизнь.

Тем временем старик вытащил из бокового кармана мешковатого серого пиджака небольшой футляр и положил его на стол. Помедлив немного, он открыл футляр своими толстыми, словно обрубленными, пальцами и извлек из него кольцо, сделанное в виде серебристой змейки. Свернувшаяся змейка с приподнятой головой, казалось, приготовилась к прыжку. Крошечные изумруды вместо глаз горели зеленым злым огоньком.

Старик молча протянул кольцо собеседнику, и тот поспешно и почтительно принял его. Положив кольцо на раскрытую ладонь, он внимательно рассматривал его, изучая каждый изгиб, каждую деталь.

– Прочтите! – приказал старик.

Пристально взглядевшись, «Ягуар-13» прочитал на внутренней стороне ободка кольца едва заметную надпись: «Яр-13».

– Крайние буквы вашей агентурной клички и номер, под которым вы значитесь у нас, – небрежно обронил старик и впервые за всю беседу долгим испытующим взглядом посмотрел на человека, сидящего напротив него.

У старика были маленькие черные глаза, глубоко засевшие в глазных впадинах.

– Завтра на рассвете, – продолжал старик, – вы вылетаете на юг, в дружественное нам государство. Оттуда морем вас перебросят в Россию, в небольшой курортный городок... В течение нескольких суток вы будете отдыхающим членом профсоюза... Но – не больше двух-трех суток. А потом к месту назначения – и за работу. И чем быстрее, тем лучше! Ваши документы безупречны, места, куда вы едете, вам знакомы... Действуйте энергично и осторожно! В Москве вы встретитесь с нашим человеком... резидентом... Явку, способы опознания друг друга и место встречи вам сообщат перед самой высадкой на территорию России. Пока же могу напомнить наши, так сказать, принципиальные установки. Главный опознавательный знак – кольцо, которое вы только что получили. Такое же кольцо будет у резидента. Встретитесь в людном месте, в естественных условиях, поэтому внимательно наблюдайте за всем, что будет делать резидент. Следуйте за ним, ориентируйтесь в обстановке, быстро соображайте. В этом – конспирация и ваша безопасность. Впрочем, как я уже сказал, подробности вам будут даны позже.

Он опять замолчал и прикрыл глаза, но тут же, будто вспомнив самое важное, чуть повысив голос, сказал:

– Учтите – встреча с резидентом будет только один раз. Цель – он передаст вам кое-что, что вам, безусловно, понадобится. Если встреча сорвется, новую явку и новые указания получите от нас... Что еще?.. Живите скромно, тихо, не бросайтесь в глаза ни внешностью, ни поведением. Снимите койку в гостинице, общежитии, у какой-нибудь хозяйки. О многих своих привычках и желаниях на время забудьте. В общем – растворитесь. Ясно?

– Ясно!

Старик оглядел комнату, наклонил голову, прислушиваясь к доносившейся из зала ресторана музыке, словно впервые услышал ее, и после небольшой паузы заговорил снова:

– В первый же воскресный день я жду донесения. Будьте осторожны, остерегайтесь, чтобы вас не запеленговали. Доносите предельно кратко и сразу же переходите на прием. Позывные заучите. Вопросы есть?

Вопросы? Какие могут быть вопросы у него – исполнителя чужой воли, чужих планов? Его задача – выполнить и выжить. Вопросы появятся там, на месте, но их, наверно, некому будет задавать, и тогда-то придется действовать так, как подскажет инстинкт самосохранения. А сейчас...

– Нет, вопросов нет...

– И очень хорошо, что нет... Не люблю непонятливых... Советую вам и на будущее – поменьше спрашивать!

И снова собеседник только кивнул головой.

Наступило молчание. Старик медленно и грузно поднялся из-за стола.

– Все! Желаю удачи!

Губы старика растянулись в улыбке, открыв ровные золотые зубы и обескровленные десны.

Черные глаза продолжали пристально, не мигая, смотреть на агента.

Мужчина тоже встал. Он почтительно наклонил голову, пожал протянутую руку старика и прошел в угол комнаты. Здесь висели его пальто и шляпа. Мужчина неторопливо и молча оделся, низко надвинул шляпу.

Медленной походкой он пересек слабо освещенный, дымный и уже почти пустой зал ресторана и вышел на улицу. Моросил мелкий дождь. Высоко в темном ночном небе вспыхивали, ползли, исчезали и вновь появлялись огни реклам. Мелькали названия напитков, жевательных резинок, новых кинофильмов, патентованных подтяжек, духов и модных романсов.

Мужчина пересек улицу и углубился в темный переулок.

Глава вторая. Подарок фрау Гартвиг

Все произошло с молниеносной быстротой.

Пожилая женщина в черном платье и старомодной шляпке, с базарной кошелкой в руках переходила улицу. В это время из-за угла, описав крутую дугу, вынесся легковой автомобиль. Своим лакированным крылом он с огромной силой ударил женщину и мгновенно исчез из глаз изумленных, испуганных прохожих. Над улицей пронесся и замер вопль. Когда люди подбежали к женщине, она была уже мертвой. Далеко в стороне валялась кошелка, из которой высыпалось несколько картофелин. Ни номера машины, ни ее отличительных признаков никто не успел заметить.

Лейтенант Рябинин всего этого не видел. Он подошел к месту происшествия уже тогда, когда машина скорой помощи увезла труп женщины, а столпившиеся прохожие и жители этой тихой берлинской улицы, сокрушенно покачивая головами, обсуждали случившееся. Тут же находились служащие народной полиции. Никакого вмешательства или помощи от Рябинина не требовалось. Помянув про себя недобрым словом всех автомобильных лихачей вообще и шофера-преступника, убившего только что пожилую женщину, в частности, Рябинин продолжал свой путь к дому фрау Гартвиг. Он обещал ей сегодня, перед отъездом в Москву, обязательно зайти еще раз. До отхода поезда с Силезского вокзала оставалось два часа, вещи уже сданы в камеру хранения, так что времени вполне достаточно.

Калитка палисадника была открыта, но на входной двери висел маленький никелированный замочек. Фрау Гартвиг всегда вешала этот хрупкий прибор, когда ненадолго отлучалась из дому в магазин или на базар. Двери она, конечно, запирала тщательно, со всей присущей ей аккуратностью, множеством всяких замков, засовов и запоров. Замочек же вешала как символический знак издавна заведенного порядка и охраны своего добра.

Рябинин поглядел на замочек и усмехнулся. Эта привычка хозяйки дома ему была знакома. Что ж, полчаса, пожалуй, он подождет в палисаднике, спешить все равно некуда. На этой скамейке возле небольшой цветочной клумбы очень удобно посидеть и покурить.

...Часть, в которой служил лейтенант Рябинин, стояла на окраине Берлина. Окончив военное училище, лейтенант приехал в советские оккупационные войска в Германии и начал свой трудный, но почетный путь офицера.

Служба целиком захватила его. Рабочий день, начинавшийся рано утром, заканчивался поздним вечером, так что и скучать лейтенанту было некогда. В редкие свободные вечера он захаживал к знакомому советскому инженеру Костромину, сын которого также окончил военное училище и уехал служить на Дальний Восток. Костромин, пожилой, уже поседевший мужчина, лет пятидесяти, был, как и Андрей, страстным любителем шахмат. Склонившись над шахматной доской, они, не замечая времени, решали замысловатые этюды и спорили о талантах и красоте партий Ботвинника и Смыслова.

Инженер Костромин приехал в Берлин в 1948 году и застал здесь своих московских друзей, родственников Андрея – его родную сестру с мужем, – приезжавших сюда ненадолго. Костромин поселился с ними в одной квартире, в небольшом особнячке, принадлежавшем пожилой немке, вдове учителя музыки, фрау Гартвиг. Друзья вскоре уехали на родину, в Москву, а Костромин, скрепя сердце и тоскуя по родным местам, «застрял» здесь, как он выражался, надолго.

Когда в Берлин приехал Андрей, Костромин встретил юношу, как родного. Лейтенант напоминал ему сына, такого же рослого, плечистого, подвижного. К тому же встречи с Рябининым доставляли ему радость и отдых. Здесь, за границей, каждый советский человек, столкнувшись с земляком, знакомым и незнакомым, тянется к нему как к другу и готов делиться с ним всеми своими мыслями, воспоминаниями, мечтами...

Особнячок фрау Гартвиг стоял в тихом переулке, в стороне от шумных улиц. Рябинин охотно проводил здесь свободное время, а когда Костромина не было дома (он поздно задерживался на работе и часто разъезжал), сражался в шахматы с сыном фрау Гартвиг, Паулем, – шофером берлинского такси. Невысокий, худощавый, со значком члена Союза свободной немецкой молодежи на коричневой бархатной куртке, Пауль производил приятное впечатление своей скромностью и спортивной выправкой. Он изучал русский язык и просил Рябинина разговаривать с ним только по-русски, хотя лейтенант неплохо владел немецким, который изучал еще в школе и в военном училище.

Иногда Андрей любил посидеть, отдыхая у раскрытого окна, выходившего в небольшой палисадник, засаженный аккуратно подстриженными фруктовыми деревьями и кустами декоративной зелени.

Фрау Гартвиг, маленькая седая старушка в черном платье, на котором неизменно красовался белый накрахмаленный передник, всегда приветливо встречала лейтенанта. Она старалась сделать ему что-нибудь приятное – сварить по особому, только ей известному, рецепту кофе, принести свежие иллюстрированные журналы, выгладить измявшуюся гимнастерку. Рябинин быстро привык к старушке, освоился с ее малоразборчивой скороговоркой и, чтобы дать ей возможность заработать несколько марок, приносил в стирку и починку свое белье. Через несколько дней, приходя к инженеру, он получал белье чисто вымытым, тщательно выглаженным и аккуратно уложенным в плоский чемоданчик.

Старушка Гартвиг с большой теплотой вспоминала сестру Андрея и каждый раз, встречая лейтенанта, справлялась о ее здоровье и неизменно просила передать привет «кляйне фрау», которую она полюбила за доброту и веселый, общительный характер. Фотокарточка сестры Андрея стояла в рамочке на туалетном столике.

Гартвиг много раз предлагала Андрею Рябинину поселиться у нее в квартире в любой, самой лучшей комнате. Но лейтенант отказывался. Приветы сестре он не передавал, так как почти не переписывался с нею. В письмах к знакомой девушке Зое, которая жила в Москве и ждала приезда Андрея, у него находились другие, более интимные, темы.

Отпуска на родину, как и все его товарищи-офицеры, Рябинин ждал с нетерпением. Он представлял себе, как, переодевшись в штатский, недавно сшитый костюм, пройдет по улицам и площадям Москвы, как вместе с Зоей будет гулять по аллеям Парка культуры и отдыха или прокатится на теплоходе по каналу Москва – Волга. Может быть, в один из летних вечеров, сидя в концертном зале имени Чайковского или слушая музыку военного духового оркестра в «Эрмитаже», ему, Андрею, удастся досказать Зое те слова, которые он хотел сказать ей давно, еще будучи курсантом. Напористый, энергичный курсант пехотного училища Андрей Рябинин в свое время растерялся, струсил и вместо того, чтобы объяснить с любимой девушкой, наговорил ей множество скучных фраз на случайные темы. В письмах из Берлина Андрей напоминал Зое о том, что *«наш разговор еще впереди»* и обещал по приезде в Москву сказать ей *«самое важное»*.

Узнав в штабе части, что ему предоставлен отпуск и через неделю он сможет выехать в Москву, Андрей от радости чуть было не нарушил уставной порядок. Он стремительно бросился к двери, но вовремя остановился, вытянулся перед начальником штаба, щелкнул каблук и, приложив руку к фуражке, спросил:

– Разрешите идти?

– Идите, идите, лейтенант, – ответил улыбаясь начальник и неожиданно неофициально, по-товарищески, добавил: – Счастливцев!.. Привет Москве!

– Слушаюсь! – ответил Андрей и, повернувшись по всем правилам устава, еле сдерживаясь, чтобы не запрыгать, вышел в коридор. В эту минуту серьезный, подтянутый офицер с загорелым обветренным лицом, в аккуратно выглаженном обмундировании стал похож на юношу-школьника. Еще бы! Он едет в отпуск, домой, в Москву!

Собираясь в дорогу, Андрей навестил инженера Костромина и поделился радостной вестью не только с ним, но и с фрау Гартвиг. Он попросил ее выстирать белье, выгладить парадный мундир, помочь купить кое-какие безделушки, которыми он хотел порадовать Зою. Старушка охотно согласилась помочь. Она по привычке прижимала руки к груди и быстро-быстро бормотала, что очень рада за лейтенанта, который едет «нах хаузе», домой, увидит свою сестру, родных. Андрей ничего не ответил. Только глаза его неожиданно потемнели... Стоило ли рассказывать этой пожилой немке о том, что еще в первые месяцы войны, когда в числе многих московских детей Андрей с сестрой был эвакуирован из Москвы, отец Андрея, московский токарь Игнатий Рябинин, ушел на фронт и погиб, защищая столицу от гитлеровских орд, а мать – слабая, больная женщина, была убита в своей постели фашистской бомбой...

Справившись с внезапно нахлынувшим волнением, Рябинин перевел разговор на другую тему и условился, что в ближайшие дни, накануне отъезда, зайдет проститься и заберет вещи.

Несколько дней пробежали в предотъездных хлопотах. Надо было привести в порядок и сдать служебные бумаги, оформить отпускные документы, получить деньги, заказать билет... Мало ли дел у человека, едущего в отпуск!

Позавчера Андрей позвонил Костромину и попросил передать фрау Гартвиг, что за день до отъезда забежит попрощаться и забрать приготовленное ему белье и покупки. Костромина он застать не надеялся, так как тот собирался в очередную командировку, а все поручения инженера уже несколько дней назад были аккуратно записаны в блокноте.

Вчера старушка Гартвиг встретила лейтенанта, как всегда, вежливо, радушно, но на ее сморщенном лице Рябинин заметил следы озабоченности, тревоги. Ему показалось даже, что она плакала, но тщательно это скрывает. Андрей хотел было спросить, что случилось, но промолчал, так как увидел в комнате постороннего человека. В кожаном кресле, стоявшем возле стены, сидел худой пожилой мужчина в черном костюме. Сидел он как-то неестественно прямо, вытянув длинное костлявое тело, будто под пиджак ему подсунули палку; жилистые с красноватым оттенком руки он положил на массивную трость, которую поставил между ног, обутых в тяжелые, грубые башмаки. На крупном с обвислыми щеками лице выделялась, будто приклеенная, большая бородавка, из которой торчали острые рыжеватые волоски.

При входе лейтенанта мужчина встал и поклонился. Фрау Гартвиг объяснила, что это ее очень хороший знакомый, но фамилии не назвала. – Он нам не помешает, – добавила Гартвиг, – так как все, что просил лейтенант, сделано, пусть лейтенант сам посмотрит, проверит.

В сдержанности хозяйки, в ее голосе было что-то необычное, неестественное. Но Андрею некогда было задумываться над этим, и он только спросил:

– Вы чем-нибудь расстроены?

Фрау Гартвиг не успела ответить. Ответил ее гость. Глядя немигающими глазами на хозяйку, глуховатым, слегка скрипучим голосом, на ломаном русском языке он сказал, что принес фрау Гартвиг неприятную весть – умерла ее давняя знакомая, подруга детства, вот потому фрау немного расстроена. – Ничего не поделаешь, старость, волнения, болезнь, – закончил гость. Фрау Гартвиг в знак согласия кивала головой, но, будто избегая взгляда гостя, смотрела в сторону.

Рябинин бегло осмотрел все подготовленное фрау Гартвиг, поблагодарил ее, расплатился и уже собрался выйти из комнаты.

– У меня к вам большая просьба, – нерешительно сказала Гартвиг, заглядывая в глаза Андрею. – Я надеюсь, что вы не обидите меня и согласитесь выполнить.

– Если в моих силах, пожалуйста, – ответил Рябинин, не представляя даже, чем он может быть полезен.

Из дальнейших взволнованных, торопливых пояснений старухи Рябинин понял, что Гартвиг в знак своего уважения и любви к его сестре хочет сделать ей подарок – изящное дамское кольцо и просит Рябинина по приезду в Москву передать его сестре.

– Позвольте, – удивился Рябинин. – Ведь кольцо стоит дорого, зачем вы тратитесь на подарок?

– Нет, нет! – испуганно возразила Гартвиг. Она стала уверять, что кольцо ей ничего не стоит, оно хранится у нее давно, по наследству от покойной матери, а «кляйне фрау» это колечко с красивой отделкой всегда нравилось, и она, старая немецкая женщина, считает для себя честью сделать этот подарок.

– Возьмите, пожалуйста, возьмите! – однообразно повторяла старушка, протягивая маленькую плоскую коробочку – футляр. Но в тоне ее, как ни странно, не было искренности. Андрей удивленно пожал плечами, не зная, как ему поступить. Но в это время снова раздался глухой голос гостя:

– Неужели русские офицеры брезговали бы взять презент от немецки фрау? Абер советски люди – интернационалише люди... Дас ист ниht гут!²

Андрей глянул на этого жердеобразного старика. Он, кажется, собирается читать нотацию, черт возьми! Этого еще не доставало... Впрочем, может быть, действительно его отказ взять подарок будет расценен как брезгливость, пренебрежение, неуважение к искренним чувствам немецкой женщины... В конце концов, почему, собственно, он отказывается? Для этого нет никаких причин.

– Ну что ж. – Андрей махнул рукой. – Ладно. Передам ваш подарок сестре. Спасибо.

Андрей взял футляр и сунул его в карман.

Но затем произошло нечто совсем уже неожиданное и непонятное. Фрау Гартвиг пошла проводить лейтенанта до калитки и вдруг, непрерывно оглядываясь на окна своей квартиры, стала быстрым шепотом просить не везти с собой в Москву этот подарок, выкинуть его в мусорный ящик или из окна вагона. Во всяком случае, не передавать его сестре. На удивленные вопросы ошеломленного Рябинина: «Почему? Что все это значит? Зачем же она только что просила его об обратном?» – старушка, судорожно глотая, воздух, стала шептать, что это кольцо плохое... Нет, кольцо хорошее, но может принести несчастье... Она не хочет этого и могла бы объяснить... Но вот этот господин, что сидит сейчас в квартире... Он ждет... Сейчас неудобно... Ей бы очень хотелось сделать подарок сестре лейтенанта, но совсем другой...

Рябинин почти ничего не понял из этого потока отрывистых фраз явно взволнованной и, по-видимому, испуганной старухи. Во всяком случае, кольцо надо вернуть, зачем же он будет выбрасывать дорогую вещь, которая ему не принадлежит! Старуха упростила взять подарок – он согласился. Теперь она просит не брать подарка – пожалуйста, тем лучше. Вот кольцо, пусть фрау Гартвиг делает с ним все, что хочет...

Рябинин сунул в трясущиеся руки старухи футляр с кольцом и сказал:

– Фрау Гартвиг! Да успокойтесь же! Может быть, мы присядем на скамеечку и вы мне все объясните?

– Нет, нет, – испуганно зашептала она. – Сейчас этого сделать нельзя... Ведь в доме сидит и ждет меня господин... Я и так уже задержалась, пора возвращаться в комнаты.

– Тогда, может быть, мне зайти завтра, перед отъездом? – спросил Рябинин, которого стала уже интересовать эта странная история с подарком.

Старушка закивала головой.

– О да, да... Если герр лейтенант завтра зайдет, я ему все объясню... Я старая честная немецкая женщина и не хочу делать ничего плохого... А кольцо – плохой подарок, кольцо нельзя дарить. Очень прошу вас зайти...

– Хорошо! Завтра зайду обязательно!

² Это нехорошо (нем.).

Спрятав под передник футляр с кольцом, фрау Гартвиг засеменила к дому. Рябинин, прежде чем захлопнуть калитку, оглянулся. В одном из окон дома он заметил лицо старика – гостя фрау Гартвиг. Или, может быть, это показалось?

Удивляясь суеверию старухи, лейтенант отправился по своим делам.

...Выполняя обещание, Рябинин и пришел сейчас к фрау Гартвиг, чтобы поговорить обо всем подробно. Но ее не оказалось дома. Наверно, задержалась в магазине, в очереди.

Откинувшись на спинку скамейки, Рябинин курил и, наблюдая, как расплывается, тает в воздухе папиросный дымок, думал о предстоящем отпуске. Собственно, отпуск уже начался. Как быстро бежит время, будто кто-то подгоняет, подхлестывает его. Давно ли кончил училище! Да, он стал старше, опытнее... Наверно, скоро ему присвоят очередное офицерское звание и на погонах появится еще одна серебристая звездочка... Маленькая звездочка на малиновом канте погона, но как много она значит и как много требует...

Размышления лейтенанта прервал почтальон. Он приложил два пальца к форменному кепи, прошел по дорожке садика к дому и всунул в почтовый ящик газеты. Через несколько минут снова скрипнула калитка: две женщины хотели войти в палисадник, но, увидев офицера, повернули обратно. Затем подошел полицейский и спросил лейтенанта, не видел ли он геноссе Пауля Гартвиг, сына домохозяйки?

Рябинин посмотрел на часы. Ого, уже пора на вокзал, а старухи все нет. Странно!.. Обычно она отличается большой точностью, аккуратностью, а сейчас пропала где-то... Неужели ему придется уехать, так и не узнав подробностей этой истории с подарком? Ну и черт с ним! Во всяком случае, он подождет здесь еще минут десять, не больше.

Несколько минут Рябинин нетерпеливо прохаживался по дорожке палисадника, затем бросил в урну недокурную папиросу и решительно отворил калитку.

Но лейтенанту пришлось еще немного задержаться. К домику подъехало такси, и из него вышел сын фрау Гартвиг – Пауль. Сгорбившийся, с растрепанными волосами, он был бледен, в глазах стояли слезы. Увидев Рябинина, Пауль бросился к нему.

– О, геноссе лейтенант!.. Какое большое несчастье!.. Моя мама... Моя бедная мама...

– Что случилось, Пауль? Где фрау Гартвиг?

– В морге... Она уже умерла... Моя дорогая мама... О, майн гот, майн гот!..

Пауль прислонился к ограде и разрыдался. Рябинин с трудом успокоил юношу и заставил его рассказать все, что ему известно. Но и Пауль знал немного: на перекрестке улиц Людвигштрассе и Цеппелинштрассе примерно час назад на мать налетела легковая машина и убила ее. Знакомый полицейский нашел Пауля и сообщил ему об этом. Пауль помчался в морг и убедился, что все это правда... страшная правда... Теперь полиция разыскивает машину. Но попробуй найти ее в таком большом городе, как Берлин. Скорее всего, она умчалась в западный сектор...

«Так вот кого недавно сбила машина, – с искренним огорчением подумал Рябинин и невольно снял фуражку. – Бедная фрау Гартвиг! Она была так доброжелательна к людям, так внимательно относилась ко всем моим просьбам, так заботилась о Костромине...» Ему действительно жаль приветливой, хлопотливой старушки, матери этого парня. Она могла бы прожить еще немало лет.

Что в эти короткие минуты мог сказать Рябинин Паулю? Чем мог утешить его? Погибшую не воскресишь! Тут уж ничего не поделаешь и не придумаешь. Он обнял юношу, пожелал ему бодрости и выдержки и посоветовал найти родственников, которые помогли бы похоронить мать. А ему, лейтенанту, надо спешить, иначе он опоздает на поезд. Пусть Пауль извинит его, так неудачно все сложилось.

Узнав о смерти фрау Гартвиг и утешая ее сына, Рябинин забыл в эти минуты, зачем пришел сюда сегодня. Слишком неожиданным было сообщенное известие.

Пауль уже справился с собой, вытер слезы, пригладил волосы и поблагодарил лейтенанта за сочувствие. Он предложил Рябинину подвезти его до вокзала и попросил после возвращения из отпуска по-прежнему заходить сюда, в этот дом, в котором он теперь остался сиротой и единственным хозяином.

Глава третья. Сиротинский на жительство в Москве не значит

Свет от настольной лампы падал на сидевшую в кресле девушку. Девушка была очень взволнована; ее милостивое лицо покрылось румянцем. Она нервно теребила в руках сумочку и нетерпеливо поглядывала на склонившегося за письменным столом полковника Министерства внутренних дел Сергея Сергеевича Дымова.

Кабинет Дымова, где сейчас находилась лаборантка научноисследовательского института авиационной промышленности комсомола Аня Липатова, представлял собой небольшую, уютно обставленную комнату. Возле дивана лежал маленький домашний коврик. Вплотную к письменному столу пристроился круглый столик, на котором стояли пузатый чайник и стакан с недопитым чаем. На подоконнике полузакрытого шторой окна красовалась изящная вазочка с цветами. И, словно в довершение всей этой совсем неслужебной обстановки на письменном столе полковника, под стеклом, виднелась фотография беловолосого мальчишки, удивительно похожего на Дымова.

«Наверное, сын», – подумала Аня. Она еще раз внимательно осмотрелась, взглянула на цветы и почувствовала, что ей совсем не страшно. Волнение, вызванное неожиданным решением пойти в МВД, улеглось, и осталась только одна забота: сумеет ли она все объяснить так, чтобы полковник понял ее и разрешил ее сомнения.

Аня поудобнее устроилась в кресле, маленьким розовым платочком вытерла лицо и в ожидании, пока полковник заговорит с нею, стала рассматривать содержимое своей сумочки.

Сергей Сергеевич умышленно затянул паузу. Сославшись на необходимость прочесть срочное письмо, он просто ждал, пока девушка полностью успокоится, оглядится, «обживется». Полковник по опыту знал, что тогда разговаривать будет куда легче и отдельные мелкие детали уже не ускользнут из памяти посетительницы. Поэтому он занялся утренней почтой, очередными делами и, казалось, совсем забыл о присутствии в кабинете постороннего человека.

Через две-три минуты Сергей Сергеевич отложил письмо и, улыбаясь, посмотрел на Липатову.

– Итак, Анна Петровна, что же у вас произошло?

Голос у Дымова был слегка глуховатый и очень спокойный. Он вытащил папиросы и с нескрываемым удовольствием закурил. Неторопливо и толково девушка начала рассказывать, что случилось с ней, что взволновало ее и привело сюда, в Министерство внутренних дел.

– Наше знакомство произошло десять дней тому назад, в театре, во время антракта, – говорила девушка. – Правда, и раньше я несколько раз встречала этого человека, когда шла на работу или выходила из института. А в театре мы познакомились. Я была с подругой. Владимир Сиротинский пришел один. Домой мы пошли вместе. Вначале проводили подругу, потом Володя проводил меня. Договорились встретиться.

Как выглядит Сиротинский? Блондин, высокий, интересный, лет тридцати двух. О себе рассказывал, что он одинокий, что в годы войны потерял семью, сейчас работает механиком на литерном заводе. На каком? Не знаю. Где живет, тоже не говорил... Ну а мне неудобно было спрашивать. Во всяком случае, живет он очень скромно, зарабатывает немного. Он сам говорил об этом.

Дымов не прерывал девушку. Только иногда, когда внезапно возникшая деталь, полузабытый штрих уводили рассказ Ани в сторону, он осторожным, уточняющим вопросом направлял ее повествование в нужное русло. И перед ним проходила вечная как мир история девичьего увлечения, первой сердечной привязанности и, что самое главное, история становления характера. Худенькая синеглазая девушка, сидевшая напротив него, уже умела разбираться в

людях, в их поступках, в их словах, а разобравшись, поступать так, как подсказывала ей ее комсомольская совесть.

– ...Мы встретились три раза, – продолжала рассказывать Аня. – Побывали в кино, в театре. Сиротинский избегал говорить о своей работе, да и о моей никогда не расспрашивал. Но вот недавно произошел случай, который заставил меня насторожиться.

В предпоследнюю встречу я сказала Володе, что в воскресенье в клубе нашего института состоится вечер; после торжественной части будет концерт и танцы. Володя очень хотел побывать на этом вечере. Когда я сказала, что это трудно сделать, ведь вечер только для своих, он обиделся, стал обвинять меня в том, что я просто не хочу быть с ним, что собираюсь встретиться с кем-то другим, стал выдумывать всякие глупости. Ну, я уступила. Провела его как своего родственника, – опустив голову, призналась Аня.

– В президиум были избраны знатные люди института, среди них – руководитель лаборатории «С» Иван Васильевич Барабихин. Сиротинский почему-то с большим вниманием разглядывал всех сидевших за столом президиума и особенно – Ивана Васильевича. Я это заметила, хотя Владимир, как мне показалось, старался не обнаруживать своего интереса к товарищу Барабихину.

– Любопытно... Что же вы все-таки заметили?

– Когда я несколько раз обращалась с вопросом к Володе, он поспешно отводил взгляд от Барабихина и отделялся какой-нибудь шутиливой фразой. Но я чувствовала, что, отвечая мне, он думает о чем-то другом. Это было обидно и неприятно.

– Неприятно для влюбленной девушки? – Сергей Сергеевич внимательно, без тени улыбки, поглядел на Липатову.

Аня заметно смутилась, но головы не опустила. Она выдержала взгляд Дымова и ответила твердо, без колебаний:

– Скажу вам откровенно, товарищ полковник. Уже в тот момент поведение Сиротинского несколько удивило и даже взволновало меня. Ведь Сиротинского я почти не знала. А лаборатория «С»... в общем, вы сами, конечно, понимаете...

– Поведение Сиротинского показалось вам подозрительным?

– Утверждать я не могу... такой вывод был бы поспешным. Но у меня появились сомнения...

Аня помолчала, будто собиралась с мыслями, потом продолжала:

– ...Несколько раз в течение вечера Сиротинский, правда, будто случайно, мимоходом, спрашивал меня о Барабихине. Но я уже была настороже и в конце концов не выдержала – очень резко сказала Володе, что его любопытство и такой интерес к Ивану Васильевичу для меня непонятен. Да, я прямо сказала Сиротинскому, что очень сожалею о том, что пригласила его к нам в клуб... Вот так! Иногда я бываю несдержанной...

Девушка нервно теребила сумочку. Она часто, порывисто дышала. Дымов встал, прошелся по кабинету. Потом остановился у окна и открыл его. В комнату ворвался вечерний городской шум. После короткого молчания, не оборачиваясь, Сергей Сергеевич попросил Липатову продолжать.

– Наверное, мои слова напугали Сиротинского, я это заметила по его лицу. Он ничего не ответил и быстро отошел. Я его потеряла в толпе танцующих и больше уже не видела.

– Что же, он ушел не попрощавшись?

– Да. Вчера весь день я ждала, надеялась, что он позвонит. Мне стало казаться, что, может быть, я незаслуженно обидела Володю, что мои подозрения его оскорбили? Но звонка не последовало. И тогда я окончательно убедилась, что Сиротинский просто струсил...

Аня не договорила и подняла голову. Стоя возле окна, Дымов внимательно смотрел на нее.

– ...Я решила сама встретиться с ним. К сожалению, у меня не было ни его адреса, ни его телефона. Оставался один путь – и я обратилась в адресное бюро. – Аня горестно покачала головой. – И тут случилось самое ужасное. В адресном бюро мне сообщили, что Сиротинский Владимир Владимирович на жительство в Москве не значится. Я поняла, что этот человек обманул меня, что он не тот, за кого выдает себя... Я поняла, что не имею права молчать. Утром я пошла к секретарю нашего парткома и обо всем рассказала ему, а он посоветовал обратиться сюда, к вам... Вот и все, товарищ полковник.

Аня облегченно вздохнула, словно сбросила с плеч тяжелый груз, снова вынула из сумочки уже смятый розовый платочек и вытерла вспотевший лоб.

– Правильно сделали, что пришли к нам, товарищ Липатова. – Вид у полковника был серьезный и озабоченный. – Это, пожалуй, единственное, что вы правильно сделали во всей этой истории.

Он снова сел за стол.

– Скажите кроме секретаря парткома вы с кем-нибудь говорили о случившемся?

– Нет, ни с кем. Честное комсомольское! – Аня прижала руки к груди.

– Очень хорошо, – медленно сказал Дымов. – Хорошо в обоих случаях – и если дело действительно серьезно, и если ваши страхи и подозрения неосновательны. Зачем зря компрометировать человека? Может быть, у него и не было дурных мыслей и намерений.

– Дай бог! – искренне вырвалось у девушки.

– Бог, конечно, ни при чем, – пошутил полковник. – Есть такая русская поговорка: «Бог-то бог, да сам не будь плох»...

Аня подняла на полковника удивленный взгляд. Он улыбается, шутит, а ей совсем не весело. Как все нелепо получилось! Началось со случайного знакомства – и вот: МВД. Да и как еще все это закончится?..

Полковник будто угадал мысли Липатовой и мягко, отечески повторил:

– Вы хорошо сделали, что пришли к нам. Представьте себе, что все ваши предположения и подозрения имеют под собой какую-то почву... Бывает, что случайное знакомство со случайным человеком тянет за собой большую цепь событий. Для того, чтобы мы могли вмешаться в эти события, нужна помощь... Иногда достаточно простого сигнала... Ну, что ж, спасибо вам за сигнал... У вас ко мне больше ничего нет?

– Нет, товарищ полковник, я, кажется, все рассказала.

– Тогда нашу первую беседу можно считать законченной. Если вы мне понадобится, я вас приглашу еще раз.

– Пожалуйста, я всегда готова...

Дымов подписал пропуск и протянул его вместе с паспортом Липатовой.

– Хорошо, что пришли, очень хорошо! – повторил он еще раз. – О нашей встрече рассказывать никому не следует. Через несколько дней я вам позвоню.

Провожая Аню до дверей кабинета, Сергей Сергеевич, как бы невзначай, спросил, не заметила ли она каких-либо особых примет у Сиротинского? После короткого размышления девушка отрицательно покачала головой.

– Нет, никаких...

Проводив Липатову и еще раз напомнив ей о необходимости весь их разговор держать в секрете, полковник опустился на диван и задумался.

«Случайные встречи на улице возле института, знакомство в театре, исключительный интерес к Барабихину. Странно... Очень странно... Нет, человек, назвавшийся Сиротинским, неспроста сбежал от рассерженной девушки...»

Дымов медленно, в раздумье, зашагал из угла в угол. Перед ним сразу встали десятки вопросов, на которые надо было найти ответы. И среди них главным был вопрос: откуда и как могли просочиться сведения о лаборатории, об изобретении Барабихина? Небольшой коллек-

тив сотрудников института, занятых выполнением специального правительственного задания, тщательно проверен. Это дружная семья талантливых молодых специалистов, в большинстве участников Великой Отечественной войны.

Сергей Сергеевич налил в стакан остывшего крепкого чая и залпом выпил его. Постояв в задумчивости около стола, он решительно снял телефонную трубку, соединился с дежурным и предупредил, что уходит на несколько часов.

Выйдя на улицу, Сергей Сергеевич не спеша пошел к станции метро. Бесконечным потоком текла человеческая толпа. На площади уже вспыхнули фонари. У красного глаза светофора скопилось много машин. Мгновение!.. Зеленый свет словно пробудил их от секундной спячки, и, подобные разноцветным жукам, машины, большие и малые, разлетелись в разные стороны. Многочисленными огнями сверкала площадь Свердлова.

Дымов на секунду задержался на краю тротуара. Мимо шли, спешили, торопились люди – десятки, сотни, тысячи... У каждого свои заботы, свои радости и тревоги. У каждого своя жизнь – маленькая частица большой жизни Родины. В этом непрерывающемся движении чувствовался пульс столицы – работающей, дерзающей, творящей...

Вглядываясь в людей и, по давней привычке, угадывая их профессии, Дымов подумал о том, что, может быть, в этой толпе, здесь, рядом, невидимый и незнаемый проходит кто-то чужой, враждебный, с ненавидящим взглядом и черной совестью. И, может быть, именно ему, Дымову, волей партии поставленному охранять мирный труд народа, придется встретиться лицом к лицу с врагом и схватить его занесенную для предательского удара руку...

Сергей Сергеевич ускорил шаги и быстро вошел в вестибюль метро.

В авиационном институте полковник Дымов задержался куда дольше, чем предполагал. После короткого разговора с начальником института и секретарем парткома он уединился в предоставленной ему для работы маленькой комнатке и углубился в чтение архивных материалов. Незаметно шло время. Тишина нарушалась только шелестом переворачиваемых страниц и однотонным стуком стальных часов. Часы показывали двенадцать, когда Дымов прекратил чтение. Он откинулся на спинку стула и некоторое время сидел неподвижно, закрыв глаза. Потом решительно поднялся и потянулся до хруста в костях.

В длинном коридоре, куда он вышел, было полутемно. Только из кабинета начальника института пробивался свет.

– Зачитался, товарищ полковник? – приветливо встретил его начальник – невысокий сухощавый человек, известный всей стране ученый. Он уже не раз встречался с Дымовым и знал, что тот зря не будет терять дорогого времени. Хитро улыбнувшись, добавил:

– Этаким запоем можно читать только приключенческие романы, а не архивные материалы... Хотя, как сказать, ведь вы читатель особого рода.

Он молодо рассмеялся и протянул руку к телефону:

– Сейчас домой или в министерство?

– В министерство, – ответил Дымов. – Да вы не беспокойтесь! Я доберусь.

– Где уж там, на ночь глядя, пешком идти?

Набирая номер, начальник института сосредоточенно смотрел в трубку. Дав распоряжение о машине, он спросил, не возражает ли полковник, если по дороге шофер подбросит домой и майора Барабихина. Майор еще в институте.

Дымов охотно согласился. Спускаясь по широкой институтской лестнице, он подумал, что вообще-то получилось очень удачно. Ведь он только что, знакомясь с личными делами и архивными материалами здесь, в научно-исследовательском институте, твердо решил пригласить к себе Ивана Васильевича Барабихина и побеседовать с ним. И сейчас Дымов был доволен, что знакомство с майором Барабихиным начнется не с официального приема в кабинете, а с совместной поездки в машине.

«Победа» уже стояла у подъезда, но Барабихина еще не было. Он пришел через несколько минут, слегка запыхавшись, и извинился, что заставил себя ждать.

– Вы что же, каждый день так поздно задерживаетесь? – поинтересовался Сергей Сергеевич, когда они уже сидели в машине и первое знакомство состоялось.

– Поздно? – удивился Барабихин. – Что вы, товарищ полковник. Сегодня Тася, моя жена, удивится, что я так рано приехал. Обычно, – он посмотрел на часы, – я засиживаюсь куда позднее.

Машина вынырнула из переулка и, набирая скорость, неслась по широкой улице. Шофер отлично знал маршрут. Видно, ему не впервые приходилось отвозить инженер-майора домой.

Сергей Сергеевич искоса поглядывал на соседа. Ему положительно нравилось открытое, простое лицо Барабихина, освещенное маленькой кабинной лампочкой. Широкий выпуклый лоб, серые глаза, слегка навывкате, по-видимому, близорукие, и какой-то забавный, по-детски слабо очерченный подбородок.

– Иван Васильевич! – вполголоса обратился Дымов к майору. – Мне бы хотелось побеседовать с вами, не здесь, конечно, а в более подходящей обстановке. Вы не смогли бы завтра зайти ко мне? Я вам закажу пропуск.

– Завтра? – Иван Васильевич потер лоб, припоминая распорядок завтрашнего дня, и удовлетворенно кивнул головой. – Завтра – пожалуйста. В котором часу? В четыре? Явлюсь!

Машина плавно катила по асфальтированной мостовой. Спокойные, тихие переулки и улицы окраины города, откуда они ехали, постепенно сменялись все более людными улицами, ведущими к центру, к широким московским площадям и магистралям.

– Далеко вам приходится ездить, – заметил Дымов. – Хорошо, что есть машина, а то пешком такая прогулка на час, не меньше.

Он вытащил папиросу и приготовился закурить.

– Ничего! – Иван Васильевич молодежато тряхнул головой. – Легкий кросс по городу. Он с успехом заменяет мне физкультзарядку.

– А сердце позволяет? – Дымов с интересом посмотрел на майора.

– Сердце? – удивленно переспросил Барабихин. – Да оно у меня как выверенные часы. Никаких перебоев.

– Это хорошо!

Сергей Сергеевич зажег спичку и закурил.

– Очень хорошо! А то я сегодня случайно наткнулся на ваше личное дело и прочитал в нем рапорт. Вы его еще в сорок восьмом году писали, тогда у вас крепко пошаливало. Пришлось из-за сердца раньше времени из Берлина вернуться.

Едва уловимая тень промелькнула на лице Ивана Васильевича. Он молча посмотрел на Дымова и сразу отвел глаза. Наступило молчание.

Шофер резко затормозил. Машина остановилась у дома, в котором жил инженер-майор Барабихин.

Глава четвертая. Признание инженер-майора Барабихина

Жаркие дни стояли в конце июля. Солнечные лучи настойчиво пробирались в комнату и ничто: ни шторы, ни вентилятор – не спасали от зноя и духоты.

Время клонилось к вечеру. Сергей Сергеевич Дымов в легкой летней рубашке с расстегнутым воротом сосредоточенно писал за своим большим столом. На диване, истомленный от жары и жажды, сидел капитан Уваров Алексей Петрович, помощник и ученик Дымова. Он только что кончил докладывать и сейчас жадно поглядывал на нераскупоренную бутылку фруктовой воды, стоявшую на маленьком столике.

В тишине слышен был скрип пера. Полковник работал.

– Да-а! – медленно протянул Уваров и горестно вздохнул: – Вот она – инквизиция-то. Самая настоящая!

Дымов поднял голову и рассмеялся.

– Воспитывай волю, товарищ капитан. – Он взял со стола бутылку и потряс ею над головой. – Уже четыре часа с искушением борюсь и ничего – выдерживаю.

Уваров недоверчиво посмотрел на начальника.

– Ну, прямо отец Сергей у Льва Николаевича Толстого. Что ж, и имя у вас подходящее. Менять не надо.

Капитан решительно встал с дивана.

– Разрешите отлучиться, товарищ полковник. Пойду напьюсь.

– Да ладно уж, пей! – смилостивился Дымов. Он медленно открыл бутылку, наполнил стакан ароматным шипучим напитком и протянул Уварову. Потом тяжело вздохнул, вытащил из ящика стола второй стакан, налил его до краев и с наслаждением стал пить короткими глотками.

– У, искуситель! – глянул он на помощника.

Глаза капитана смеялись. Утолив жажду, он облегченно вздохнул и, как ни в чем не бывало, деловито осведомился:

– Товарищ полковник, может, поиски Сиротинского прекратить? Несуществующего человека ищем. Ни в Москве, ни в пригородах Владимир Владимирович Сиротинский не значится. Чего же зря время терять?..

– Прекратить?! – Сергей Сергеевич удивленно посмотрел на помощника. – Прекратить только потому, что человек назвался вымышленным именем и фамилией? Да ты что?.. – Он хотел сказать что-то резкое, но сдержался. – Не прекратить, а усилить поиски, человек – не иголка, найдется!

Дымов внимательно смотрел на Уварова. Алексей Петрович стоял, упрямо наклонив голову и покусывая губы.

Полковник хорошо знал характер своего помощника. В недавнем прошлом комсомольский работник, ныне способный молодой чекист, Уваров был на редкость настойчив и прямолинеен.

На оперативных совещаниях он смело отстаивал свою точку зрения, нередко идущую вразрез с мнением руководства. Вот и сейчас вся поза капитана выражала несогласие с решением начальника, и Дымов решил поговорить начистоту.

– Садись! – скомандовал он. – Выкладывай все свои сомнения!

Алексей Петрович пожал плечами, сел и начал говорить, не ожидая повторного приглашения.

– Мы разыскиваем, извините меня, мифическую личность. Давайте разберемся, товарищ полковник. Что у нас есть? Какими данными мы располагаем, чтобы бить тревогу и собирать материал о человеке с вымышленной фамилией? По-моему, – никаких. Вы можете сказать:

а сообщение комсомолки Липатовой? Извините, Сергей Сергеевич, но я считаю, что это сообщение малоубедительно. И я докажу это. Что особенного рассказала Липатова? Видите ли, она познакомилась и начала встречаться с тридцатилетним мужчиной. Ну и что из этого следует? Парень попался пройдоха. Небось и жену, и детей имеет, а ей представился одиноким, холостым. Таких сукиных сынов еще немало. А чтобы она проверить не могла, он назвался вымышленным именем. Ни адреса, ни телефона не дал. Может быть такое дело? Вполне!

Пойдем дальше! – Уваров загнул палец. – Встречались они часто... В конце концов, не все же о нежных чувствах говорить, есть и другие, более серьезные, темы. Наверное, Липатова рассказывала об институте, о знатных людях института, о большой работе, которая у них ведется. Возможно, что и фамилию Барабихина в связи с этим называла. Парня все это заинтересовало. Он же техник. В клубе института, куда Липатова его пригласила, он увидел людей науки, внимательно слушал доклад, может быть, из-за этого своей спутнице недостаточно внимания оказывал... А тут еще два-три вопроса о работе Барабихина задал, ну, девушка и расвирепела. Чуть ли не в шпионских намерениях обвинила. Знаете, Сергей Сергеевич, – капитан мотнул головой, – не каждый такое стерпит. Другой, посмелее да почестнее, так тот на место поставит, пристыдит, извинения потребует... А наш герой просто удрал, смылся. Небось решил – подальше от греха. Фамилию наврал, имя наврал, как бы чего не вышло. Все они, донжуаны, такие! – категорически закончил Алексей Петрович и для большей убедительности махнул рукой.

Дымов посмотрел смеющимся взглядом на помощника и, хитро прищурившись, не без ехидства заметил:

– Здорово ты донжуанскую психологию изучил. Наверное, большой опыт имеешь?

– Сергей Сергеевич!.. – возмутился Уваров, но полковник продолжал уже вполне серьезно, без тени шутки:

– Доводы твои, Алексей Петрович, были бы убедительны, если бы они не страдали одним крупным недостатком.

– Каким, Сергей Сергеевич?

– Недостаточным знанием психологии советского человека... Настоящего советского человека.

Сергей Сергеевич закурил папиросу и, задумчиво глядя куда-то за плечо помощника, продолжал медленно, будто разговаривая с самим собой.

– Ты дал неправильную характеристику Липатовой, и отсюда вся порочность твоих предположений и умозаключений. Давай на все известные нам факты взглянем другими глазами и оценим их по-иному. Аня Липатова – простая, честная советская девушка. Сиротинский ей нравился, это бесспорно. Он сумел войти в доверие, прикинулся искренним, влюбленным. Больше того, человек, назвавшийся Сиротинским, знал, что Аня очень хорошо к нему относится. И вот, зная это, он перестал с ней церемониться. Он, очевидно, спешит и поэтому решил напролом идти к намеченной цели. Такой вариант вполне возможен.

Сделав глубокую затяжку, Сергей Сергеевич продолжал:

– А торопится по той причине, что работа лаборатории «С» и самого Барабихина близится к концу.

И обрати внимание, капитан, в большинстве случаев враги срываются именно потому, что не могут понять и разобраться в советских людях. Не могут понять, что чувство чести и долга перед Родиной для советского человека всегда являлось и является главным из всех его чувств и переживаний. Это полностью может быть отнесено и к Липатовой. Прежде чем прийти и рассказать о Сиротинском, эта девушка много пережила и много передумала... И пришла, потому что не могла не прийти.

Телефонный звонок прервал Дымова. – Да, да. Пропустите! – сказал он в трубку и, поднявшись из-за стола, коротко сообщил: – Пришел инженер-майор Барабихин.

Алексей Петрович был явно раздосадован. Он дорожил такими разговорами с полковником, любил поспорить с ним, иногда – это случалось нечасто – доказывал свою правоту. Не беда, что в их словесных поединках почти всегда победителем оставался Дымов – сказывался огромный опыт, большой политический кругозор, способность глубоко проникать в психологию людей.

Капитан Уваров нехотя поднялся и спросил:

– Мне уйти?

– Оставайся, если хочешь. Может быть, услышим что-нибудь интересное.

Сергей Сергеевич убрал со стола бумаги, и почти в тот же момент в дверь кабинета сильно постучали.

Дымов встретил Барабихина на пороге комнаты. Они поздоровались, как старые знакомые. Иван Васильевич с изумлением огляделся вокруг.

– У вас очень уютно! Вот уж никогда не подумал бы... даже цветы!

Сергей Сергеевич рассмеялся, но ничего не ответил. Он познакомил инженер-майора со своим помощником и пригласил к столу. И здесь произошло нечто неожиданное. Протерев очки (сегодня Барабихин был в очках) и не дав ни слова сказать полковнику, майор заговорил сам, заговорил взволнованно и торопливо:

– Мне бы хотелось, товарищ полковник, до начала нашего делового разговора кое-что рассказать вам. Я займу очень немного времени. Разрешите?

Дымов не выразил никакого удивления.

– Прошу вас, Иван Васильевич!.. То, что вы хотите рассказать, касается, видимо, вашего пребывания за границей?

– Да. То есть, вернее, моего преждевременного отъезда оттуда.

Иван Васильевич помолчал, собираясь с мыслями, и начал говорить:

– Когда вчера мы ехали в машине, вы поинтересовались моим сердцем. Здоровое сердце у меня, вполне здоровое, а вот в 1948 году сдало, крепко сдало... и нервы сдали. И дело-то вроде как пустяшное произошло, а переволновался и передумал я немало.

Барабихин снова помолчал и продолжал уже более спокойно.

– Должен вам сказать, что уже давно с группой товарищей я проектирую самолет новой конструкции. В 1947 году я опубликовал теоретическую статью на эту тему в одном журнале, и, собственно, с этого времени началась моя практическая работа в лаборатории. В 1948 году я выехал в Германию в командировку.

Иван Васильевич нервно забарабанил пальцами по краю стола и торопливо продолжал, словно боясь, что его перебыют:

– Я поехал вместе с женой... до этого мы недавно поженились. Она работала машинисткой. Родители ее погибли во время войны, единственный брат, моложе ее, учился в военном училище.

Сразу же по приезде в Берлин я с головой ушел в работу. Жена целыми днями оставалась одна. Молодая, неопытная, вначале она почти все время сидела дома, скучала, плакала, про-силась обратно, а потом, по совету приятельниц и хозяйки, пожилой немки, – мы остановились на частной квартире – жена стала посещать магазины, модные ателье, кино. В общем, как говорится, начала быстро осваиваться в новой обстановке. В доме у нас появились изящные безделушки, хрусталь. Жена стала красиво и модно одеваться.

Вначале я как-то не обращал на это внимания. Жили мы скромно, думал – жена выкраивает кое-что из денег, которые я ей даю на расходы. Но однажды, как сейчас помню, это было вечером, пришел я с работы домой и вижу: у нас в комнате стоит замечательное пианино, отделанное под орех, фирмы «Стенвей», одной из наиболее дорогих фирм. Откуда, думаю? Знал, что такое пианино много денег стоит. К жене: где достала? Говорит, купила в комиссионном магазине. Сколько стоит? Назвала большую сумму. Я даже растерялся. Откуда у тебя появи-

лись такие деньги? Сначала она отнекивалась, пыталась превратить все это в шутку, заявила, что мне, мужчине, незачем вмешиваться в женские, хозяйственные, дела. В общем, честно говоря, хотела скрыть. Но я был буквально взбешен и даже впервые за время нашей совместной жизни накричал на нее. Она испугалась, расплакалась, а потом стала успокаивать себя и меня: «Пожалуйста, не волнуйся, Ваня, господин Штрумме – владелец комиссионного магазина – настолько любезен, что предоставил мне долгосрочный кредит. Я у него не первый раз в кредит покупаю. Он только просил никому, даже тебе, об этом не говорить. Хотя он тебя очень хорошо с моих слов знает».

Услыхал я такое, товарищ Дымов, в глазах у меня потемнело. Понял я, что большую ошибку совершил, не интересуясь времяпрепровождением жены, затратами, которые она делала, людьми, с которыми она встречалась.

Барабихин сделал паузу, откинулся на спинку кресла и расстегнул верхний крючок на воротнике офицерского кителя. Видимо, инженеру было душно.

Через секунду он продолжал свой рассказ:

– Объяснил ей как умел ее ошибку, ну, да делать уже было нечего. Узнал размер жениного долга, в течение недели с грехом пополам собрал нужную сумму, возвратил деньги через жену «любезному» господину Штрумме, а сам стал хлопотать о возвращении на родину. Откровенно скажу, боялся я за жену, боялся, чтобы по неопытности не попала она в какую-нибудь грязную историю... И сердце у меня действительно в то время стало пошаливать, видимо, волнения и неприятности даром не прошли.

– Больше ничего, никаких подробностей вам жена не сообщила?

– Нет... О чем же еще?... Она видела, что вся эта история меня потрясла, и уверяла – искренне и горячо, – что рассказала все, абсолютно все, не забыв, не утаив ни одного слова. Сама она тоже сильно переживала, так как поняла, что наделала много глупостей. Ей даже стали мерещиться всякие страхи, опасности, и она торопила меня поскорее уехать из Берлина. И только тогда, когда мы возвратились в Москву, Тася начала успокаиваться, будто почувствовала себя в безопасности. Да и я, признаться, вздохнул с облегчением.

И Дымов и Уваров очень внимательно слушали инженер-майора Барабихина.

– Вы никому не сообщили о случившемся? – спросил Сергей Сергеевич.

– Нет. Никому. Смалодушничал, – признался Барабихин. – Жена просила, умоляла никому ничего не говорить. Кроме того, она ждала ребенка, и я опасался...

– Так, так... – протянул Сергей Сергеевич. – Скажите, Иван Васильевич, забирая вещи в долг, ваша жена давала расписки?

– Да. Но, когда она уплатила свой долг, Штрумме вернул ей все ее расписки, и я собственноручно их уничтожил.

Сергей Сергеевич молча кивнул головой. Он не хотел огорчать инженер-майора замечанием о том, что любой документ, в том числе и расписки, можно сфотографировать, в случае особой заинтересованности в них. Он еще сам не знал точно, являлась ли вся только что рассказанная история кознями врага, и поэтому не торопился делать выводы.

Иван Васильевич Барабихин внимательно посмотрел на посуровевшие лица чекистов и, ощущая невольно возникшую отчужденность, попытался улыбнуться.

– Вот, собственно, и все, что я хотел рассказать вам, товарищ Дымов. Уже больше четырех лет как мы вернулись. Всю эту историю я считал давно прошедшей, забытой, но вчера в машине вы мне задали вопрос о 1948 годе, о Берлине, и мне снова стало как-то не по себе. Почти всю ночь я думал, вспоминал и наконец решил обо всем рассказать вам. Может быть, это надо было сделать давно, но, как говорят, лучше поздно, чем никогда...

Иван Васильевич тихо добавил:

– Скажу вам честно: мое тогдашнее молчание там, в Берлине, мучает меня до сих пор... Теперь я слушаю вас. Зачем я вам понадобился?

Сергей Сергеевич пожал плечами.

– Откровенно говоря, то, что вы мне сейчас рассказали, я и хотел у вас узнать.

Видя недоуменное лицо Барабихина, он продолжал:

– У меня есть некоторые основания предполагать, уважаемый Иван Васильевич, что к вам и к вашей работе приковано внимание некой иностранной разведки. Говорю вам об этом прямо, открыто, так как верю вам.

– Благодарю вас!.. – В голосе Барабихина прозвучала искренняя радость, облегчение.

Дымов вышел из-за стола и зашагал по кабинету.

– Видимо, еще в сорок седьмом году, когда вы только что опубликовали теоретические статьи, ваша персона стала, как мы выражаемся, объектом внимания и изучения. Через полгода, как вы сами сказали, вы отправились за границу, в Берлин. Признаюсь, вчера я с большим интересом прочел ваш послужной список и ваше личное дело.

Простое, немного скуластое лицо полковника расплылось в широкой улыбке.

– Дай бог каждому из нас иметь такой личный счет... Но меня несколько удивили, озадачили ваши рапорты. В деле их два. И в обоих вы настойчиво просите разрешения немедленно вернуться в Союз. Так и пишете – немедленно! Не скрою, меня это даже заинтересовало. И мотивировка-то ваша – неожиданное сердечное заболевание, нервное расстройство – тоже, я бы сказал, несколько необычная. С чего это, подумал я, молодой товарищ, всего месяц с небольшим находящийся за границей, так быстро скис? Я решил поподробнее узнать. Пригласил вас поговорить лично. Ну, а теперь все понятно и без расспросов.

Сергей Сергеевич подошел к Барабихину, тот хотел встать, но полковник удержал его, положив на плечо руку.

– А сообщить обо всем, что вы сейчас рассказали нам, надо было вовремя. Это являлось вашей прямой обязанностью, обязанностью советского гражданина, офицера, коммуниста.

Барабихин опустил голову.

– Конечно, я совершил ошибку, – тихо сказал он. – Ради жены. К тому же мы очень быстро уехали, и мне казалось...

– Именно ради жены вам и следовало сообщить! – неожиданно резко сказал Сергей Сергеевич.

Потом помолчал и уже мягче, будто пытаясь сгладить только что допущенную резкость, спросил:

– У вас есть ребенок?

– Нет. Умер, когда ему было два года.

– Жена работает?

– Учится на курсах кройки и шитья.

Дымов молча подошел к столу и наклонился подписать пропуск. Передавая его Барабихину, он задержал руку инженера и сказал с большой сердечностью:

– Вот поговорили, и кое-что прояснилось. И у вас небось на сердце полегчало? Не правда ли?

Иван Васильевич благодарно кивнул головой.

– А почему мы начали проявлять интерес к истории, случившейся в 1948 году, – добавил Дымов, – об этом вы зря в догадки не пускайтесь. Всему свое время. Сейчас у вас своей работы хватает, работы большой и очень ценной. В ней ведь тоже и анализы и догадки нужны...

И еще одна просьба: ни с кем о нашей встрече не говорите, даже с женой. – Дымов усмехнулся. – Я вам тоже обещаю все наши беседы держать в секрете. Ну, желаю счастья, Иван Васильевич. Если понадобится, звоните!

Он вырвал листок из настольного календаря, записал телефон и передал Барабихину. Уже у самых дверей кабинета Сергей Сергеевич неожиданно вспомнил:

– Кстати, ваш берлинский адрес и фамилию хозяйки вы не запомнили?

– Как можно! – отозвался Иван Васильевич. – Вольфштрассе, 135. Хозяйка – фрау Гартвиг. Марта Гартвиг. Милейшая старушка.

Проводив Барабихина, Сергей Сергеевич сел за стол.

– Ну-с, Алексей, свет Петрович, твое мнение? – спросил он капитана.

– Любопытная история, товарищ полковник.

Уваров поднялся с дивана, подошел к столу.

– Сложное впечатление производит товарищ. – Он кивнул в сторону двери. – С первого взгляда такой прямой, откровенный, честный, а на поверку получается, что струсил, промолчал, скрыл. Сложное впечатление! – повторил он понравившееся ему выражение. Полковник молчал.

– Сергей Сергеевич! – Капитан Уваров с нескрываемым любопытством посмотрел на начальника. – Я же вас и вашу методику хорошо знаю, для вас последовательность дороже всего. Скажите, товарищ полковник, как вы считаете, имеет история Липатовой отношение к Барабихину, к его жене и к их пребыванию за границей?

Сергей Сергеевич сделал таинственный вид и пальцем поманил капитана. Тот наклонился почти вплотную к нему.

– Знаешь, Алеша, – шепотом проговорил Дымов, – если бы я мог твердо и окончательно ответить на твой вопрос, я бы считал дело почти законченным.

Увидев разочарование на лице помощника, Сергей Сергеевич медленно, словно раздумывая, добавил:

– Наша задача, капитан, определить направление возможного удара... Я еще не знаю, будет ли это обходной маневр или прямой прицел!

От дальнейших объяснений полковник отказался. Он вытащил из ящика стола лист бумаги, положил ее перед капитаном и стал диктовать...

– Пиши запрос, капитан... Пиши: Берлин... По встретившейся необходимости просим сообщить характеризующие данные на владельца комиссионного магазина Штрумме и домохозяйку Марту Гартвиг, проживающую по Вольфштрассе, 135.

Глава пятая. Сомнения лейтенанта Рябинина

Светало. Скорый поезд Брест – Москва мчался с запада на восток. Вонзаясь длинным мзеевидным телом в неплотную пелену предутреннего тумана, поезд рвался навстречу солнцу. Оно уже всходило где-то над просторами, раскинувшимися за железнодорожным полотном. Позади, за «хвостом» поезда, было еще темно; впереди, там, где над паровозом равномерно взлетали, будто выстреленные из трубы, султаны дыма, небо алело. Над землей вставал во всем июльском великолепии новый солнечный день.

Лейтенант Андрей Рябинин уже давно не был на родине, давно не видел этих лесов и перелесков, извилистых речушек и озер, небольших, но многолюдных и шумных станций, позади которых высились здания, трубы заводов, виднелись окраины поселков и городков. Почти не замедляя хода, поезд несся дальше и дальше, извещая о своем приближении голосистыми гудками.

В белой майке-безрукавке лейтенант стоял в коридоре у окна вагона. Пассажиры еще спали, и никто не мешал ему смотреть, вспоминать. Все незнакомые места казались давно знакомыми, каждая роща и лесок казались похожими на подмосковные, где безмятежно текло и внезапно окончилось детство, застигнутое войной. Все, что видел глаз, было близким, милым, родным.

Неожиданно Андрей поймал себя на том, что он уже не вглядывается в очертания пейзажа, мысли его блуждают где-то далеко-далеко, и шемящее тревожное чувство холодит сердце. Почему? Чем объяснить, что именно сейчас, когда он подъезжает к Москве, когда в воображении рисуется картина встречи с близкими, с друзьями, с Зосей, он возвращается мыслями к последнему разговору с фрау Гартвиг... Сначала она настоятельно просила передать подарок сестре. Буквально через минуту она умоляла отказаться от подарка, выбросить его. Все это очень странно и непонятно. Причем тут сестра? И выяснить ничего не удалось, так как на следующий день старуха попала под автомобиль.

Но фрау Гартвиг была очень взволнована с самого начала, он это заметил, как только вошел в дом. Почему? Ах да, умерла ее подруга детства, эту новость принес гость, длинный, жердеобразный старик. Его внешность не вызывала симпатии, но вел он себя корректно и почти все время молчал. Только на Гартвиг он смотрел все время каким-то тяжелым, давящим взглядом. Очевидно, характер у этого старика властный и злой. Ну и шут с ним – и с этим стариком, и с этим кольцом, и со всей этой неразберихой!

Рябинин старался отделаться от одолевавших его мыслей, но они навязчиво лезли в голову, тревожили. Лейтенанту казалось, что он где-то, в чем-то совершил невольный промах, ошибку. Ему самому было неясно: откуда появилось это ощущение, почему он с такой тщательностью восстанавливает в памяти все детали последнего посещения квартиры фрау Гартвиг?

Уже наступило яркое, солнечное утро. Пассажиры просыпались, выходили в коридор, открывали окна. Проводники разносили горячий чай. В одном из купе завели патефон, из другого слышался стук костяшек домино. Возле окна, у которого стоял лейтенант, двое пассажиров вели неторопливый разговор о качестве сортов пшеницы. Рябинин прислушивался к их разговору, пытался уловить смысл, но не мог сосредоточиться и болезненно морщился, будто от зубной боли. Теперь он жалел, что не взял с собой это проклятое кольцо. По крайней мере он смог бы разглядеть его: что в нем особенного? Чем оно так напугало фрау Гартвиг?

Андрей вошел в купе и стал взбираться на свою верхнюю полку. Сидевший внизу пассажир в полосатой пижаме пил чай и с удивлением наблюдал за лейтенантом.

– Что, молодой человек, не выспались? Досыпать собираетесь? – дружелюбно спросил он.

– Нет, просто полежу немного, – откликнулся Андрей.

– Укачает! – убежденно сказал пассажир. – Лучше присоединяйтесь, у меня к чаю есть печенье. Вкусное!

– Спасибо, пока еще есть не хочется.

– Жаль, одному скучно. В компании веселее.

Пассажир вздохнул и стал шуршать свертками.

«Не вздремнуть ли в самом деле?» – подумал Андрей, устраиваясь поудобнее. Он даже закрыл глаза и, чтобы «поймать» сон, по старой школьной привычке, стал считать до тысячи. Но сна не было. В голове одна за другой непрерывно и навязчиво теснились мысли обо всем, что случилось накануне отъезда из Берлина. В памяти всплывали подробности, детали, предположения. Но все они не давали ответа на главный вопрос: чем объяснить странное поведение старухи Гартвиг и какое отношение вся эта история имеет к сестре?

Вдруг Андрей резко поднялся и сел, подобрав под себя ноги. От неожиданной мысли, мелькнувшей в голове, ему сразу стало жарко, сердце застучало... Нет ли какой-нибудь связи между тем, что в последний раз бормотала Гартвиг, и ее трагической смертью под колесами автомобиля? Старуха что-то знала, хотела рассказать, объяснить... И должна была это сделать именно в тот день, когда погибла. Случайное совпадение, стечение обстоятельств? Или что-нибудь другое? Но что именно? Кому мешала старуха? Где сейчас находится кольцо?..

– Старик! – чуть было не вскрикнул Рябинин. – Гость фрау Гартвиг! Старуха дважды упоминала о нем, намекала, что сейчас, когда он сидит у нее в комнате, она не может долго разговаривать и все время оглядывалась на окна. Кто он, этот старик? Почему он тоже уговаривал взять подарок для сестры? А как же Андрей не догадался спросить о нем Пауля?!

– Эх ты, шляпа! – со злостью громко произнес Рябинин по собственному адресу.

– Вы мне что-то сказали? – спросил сосед по купе, отрываясь от еды.

– Нет... Простите... Это со мной бывает...

Все мысли Андрея теперь были прикованы к последнему предположению. Не здесь ли разгадка всей этой истории? И как ее разгадать, если старуха умерла, фамилия странного гостя неизвестна, а кольцо, наверно, пропало. Кого спросить, с кем посоветоваться? Если бы он, Андрей, был в Берлине, тогда другое дело. Но сейчас, в поезде... Во всяком случае, ясно одно – надо что-то предпринять, надо действовать!

Но как?..

Глава шестая. В центральном универмаге

Площадь Свердлова. Большой академический театр. Миниатюрный, уютный сквер, окруженный стеной из зелени и цветов. Прозрачные струи воды рвутся вверх и, рассыпаясь, падают в чашу фонтана. Водяная пыль приятно освежает воздух.

Пожалуй, нигде в Москве так причудливо не сочетается деловая и праздничная жизнь столицы, как здесь, в этом районе, именуемом по старой памяти Центром. По тротуарам озабоченно и деловито спешат люди. И тут же группы экскурсантов стоят и прохаживаются у зданий, рассматривая все, на что им указывает экскурсовод. Людские толпы непрерывно текут в метро и из метро, мчатся автомобили, троллейбусы, автобусы... А в скверах подолгу сидят старики и молодежь с газетами и книгами, резвятся ребятишки, встречаются влюбленные...

На противоположной стороне площади Свердлова тоже раскинулся недавно созданный сквер. И здесь, на широких, удобных скамейках, расположились отдыхающие. Они никуда не спешат, читают, дремлют и, кажется, не слышат, как кипит, бурлит столица в «сплошной лихорадке буден».

Был солнечный летний день. Время клонилось к вечеру. На одной из скамеек сквера сидел пожилой мужчина в очках и читал книгу. Он был одет в светлый, хорошего покроя костюм. Мягкая шляпа и тяжелая трость лежали рядом на скамье.

Вставали и уходили люди. На их место приходили и усаживались новые. Через некоторое время уходили и эти, а мужчина все сидел и читал. Уже несколько раз к нему подходили и вежливо осведомлялись, занято ли место рядом. И каждый раз, прежде чем ответить, мужчина шурил слегка выпуклые серые глаза, внимательно осматривал подошедшего и неизменно отвечал одно и то же:

– Простите, я жду даму. Место занято!

Люди пожимали плечами и отходили: кто же станет мешать солидному человеку, занятому для своей дамы место на скамье? А мужчина вновь принимался за книгу, от чтения которой его только что отвлекли.

Прошло еще некоторое время. Высокий молодой человек лет тридцати, в сером костюме и серой кепке, с книгой в руке, неторопливо шел по аллее сквера, рассматривая сидевших на скамьях. Увидя свободное место, он направился к нему. Молодому человеку, видимо, тоже хотелось посидеть, отдохнуть, подышать свежим воздухом.

Поравнявшись со скамьей, он на какую-то долю минуты приостановился, будто не решаясь потревожить сидевшего гражданина, затем сделал еще шаг.

– Скажите, пожалуйста, этим местом, на котором лежат ваши вещи, можно воспользоваться? – любезно и многословно осведомился он, снимая кепку. Рука, державшая кепку, оказалась на уровне глаз сидевшего гражданина, и его острый взгляд из-под очков заметил кольцо, блеснувшее на руке молодого человека. Мужчина в очках поднял голову, мельком взглянул на подошедшего и ответил ему стереотипной фразой: – Простите, место занято. Я жду даму.

При этом мужчина в очках мизинцем правой руки почесал переносицу, и на его мизинце тоже блеснуло кольцо.

Молодой человек извинился и отошел. «Занято, так занято, ничего не поделаешь!» Он окинул взглядом соседние скамьи, прошелся по аллее и, нигде не найдя свободного места, не спеша вышел из сквера, остановился у выхода и закурил.

Пожилый гражданин, которого все время отрывали от чтения, по-видимому, потерял надежду дожидаться дамы. Ее не было слишком долго, свидание явно срывалось. Он посмотрел на часы, огляделся по сторонам, с досадливым выражением лица надел шляпу, взял со скамьи трость – и медленно побрел из сквера. Неторопливой походкой он дошел до перекрестка,

некоторое время постоял на углу улицы, разглядывая публику и словно о чем-то размышляя, потом перешел площадь и оказался у входа в универсальный магазин Мосторга.

Войдя в магазин, он очутился в шумной и суетливой толпе покупателей. Не спеша, стараясь не толкаться, мужчина стал пробираться наверх. Пока его ничто не интересовало. Радио настойчиво приглашало покупателей зайти в посудный отдел, где получен разнообразный ассортимент посуды, который должен удовлетворить чуть ли не все потребности самых придирчивых домохозяек. Манекены со счастливыми восковыми лицами, в модных костюмах и широких пальто призывно улыбались на подступах к отделам готового платья. Почти всеми цветами радуги искрились нарядные галстуки в специальных светящихся киосках. Однако все это не интересовало мужчину. Опираясь на трость, тяжело шаркая ногами, он проходил отдел за отделом, недовольно косясь на особенно бойких и нетерпеливых посетителей магазина, которые обгоняли его, толкали и даже поругивали за нерасторопность.

Наконец мужчина замедлил шаги. Он приблизился к цели своего путешествия – отдел тканей. Здесь было наиболеелюдно. Покупатели толпились у прилавков, рассматривали разложенные товары, оживленно переговариваясь между собой и спрашивая продавцов, подойдет ли драп синего цвета на демисезонное пальто пожилому мужчине, будет ли драп-велюр, почему вчера был, а сегодня нет габардина... Неумолчный шум стоял в воздухе. И здесь пожилого мужчину оставила его флегматичность и неторопливость.

Правда, он еще постоял некоторое время в раздумье, оглядываясь по сторонам, но потом с неожиданной энергией стал проталкиваться к прилавку.

Люди ругались, толкали его локтями, но уступали энергичному напору. Еще несколько секунд – и мужчина оказался у самого прилавка, сдавленный и окруженный плотной людской толпой. И здесь случилось так, что пожилой мужчина очутился рядом, бок о бок, с молодым человеком в сером костюме и серой кепке, с тем самым, который совсем недавно гулял в сквере на площади Свердлова и выискивал свободное место на скамейке.

По-видимому, молодого человека тоже интересовали ткани...

– Пожалуйста, покажите мне вот тот отрез, – попросил пожилой мужчина, указывая на одну из полок. И в этот момент на его пальце отчетливо, второй раз, блеснуло кольцо – маленькая серебристая змейка, приготовившаяся к прыжку. Ее изумрудные глаза поблескивали холодным зеленым светом. Молодой человек, стоявший рядом, на мгновение вскинул глаза и затем нагнулся над прилавком, рассматривая ткани разнообразных сортов и расцветок.

Продавец, отвечая на многочисленные вопросы покупателей, положил на прилавок отрез, снятый с полки. Но цвет и качество не понравились пожилому мужчине. Он пощупал материал, недовольно покачал головой и попросил показать другой, вон тот, что лежит слева, на самой верхней полке. Продавец по лесенке добрался и до этого отреза и тяжело бросил его на прилавок. На сей раз материал, очевидно, удовлетворил покупателя, и он попросил отмерить три метра на костюм. Остальное уже было совсем несложным делом. Пока продавец выписывал чек, пока шумела и толкалась толпа, прижимая первые ряды покупателей к самому прилавку, пожилой мужчина и молодой человек в сером костюме и серой кепке незаметно, не поднимая опущенных рук, обменялись книгами.

Они не сказали друг другу ни слова. Не посмотрели друг на друга. Первым ушел пожилой мужчина, с чеком в руке. Он выбросил этот чек через несколько минут, когда, обретя прежнюю медлительность и степенность, не спеша вышел из магазина; а молодой человек еще немного побыл в магазине, потолкался в других отделах и тоже ушел, ничего не купив.

В руках у него, как и прежде, была книга.

А в это время в Берлине старик, именуемый шефом, нетерпеливо ждал донесения «Ягуара-13».

Глава седьмая. Первый визит лейтенанта Рябинина

Поезд плавно подошел к перрону Белорусского вокзала в Москве. Все пассажиры уже были одеты и готовы к выходу; многие с чемоданами и свертками в руках столпились в узких коридорах, высматривая родных, знакомых, выкликая носильщиков.

Андрей Рябинин тоже приготовился. Новенький китель с золотыми погонами плотно облегал его юношескую фигуру, сапоги были отлично начищены, на фуражке – ни пылинки. Только лицо – загорелое и чисто выбритое – выглядело уставшим. Крепко сжатые губы и блеск в глазах свидетельствовали о волнении.

Вот и Москва, куда он так рвался, о которой столько мечтал там, за границей.

Собираясь в отпуск, Андрей решил, что на одной из крупных станций на пути из Берлина в Москву он даст телеграммы сестре и Зое, извещая о своем приезде. Но после того, что произошло при последнем разговоре с фрау Гартвиг и на следующий день, в него вселилась какая-то необъяснимая тревога. Все личные планы потускнели. Телеграмм он не послал и теперь шел в толпе по перрону вокзала один, никем не встреченный и, как ему казалось, никому не нужный.

Сестра с мужем жили в новом, недавно выстроенном доме на улице Левитана, недалеко от станции метро с красивым и звучным названием «Сокол». Еще позавчера Андрей рассчитывал остановиться у сестры, где ему, несомненно, будут очень рады, встретят радушно, гостеприимно. Теперь же он нерешительно стоял на тротуаре привокзальной площади, не зная куда направиться. В гостиницу? Но разве в такую горячую пору достанешь номер? К Зое? Нет, это неудобно перед ее родителями, да и сам он будет чувствовать себя неловко. Не жених же он, в самом деле... А других родственников или близких знакомых в городе нет. Что же делать? Не стоять же здесь, у вокзала, до бесконечности.

Площадь уже опустела, схлынул шумный многолюдный поток прибывших пассажиров, и вновь появились свободные такси. Андрей шагнул к ближайшей машине, шофер распахнул дверцу, включил счетчик и повернул голову к лейтенанту:

– Куда ехать?

Еще секунду назад Андрей колебался. А сейчас поспешно, будто опасаясь изменить свое решение, проговорил:

– В центр. К Министерству внутренних дел.

В приемной министерства стояли и сидели ожидающие, и Андрей сначала растерялся: к кому обратиться? Затем его охватило сомнение: кому нужна эта история с кольцом, которая, может быть, никакого интереса и не представляет?

Не выпуская из рук двух небольших чемоданов, он подошел к одному из дежурных и спросил, с кем можно поговорить по вопросу, в котором он сам еще толком не разобрался, но который, может быть, заинтересует работников МВД. Дежурный оглядел лейтенанта и попросил подождать. Через несколько минут он провел Рябинина в кабинет. Немолодой подполковник с тремя колодками орденских лент на кителе предложил лейтенанту присесть, а чемоданы поставить в сторону, там, возле стены.

– Вот так, – сказал добродушно подполковник, когда Андрей присел на стул возле большого письменного стола, уставленного несколькими телефонами. – А теперь я готов слушать. Что привело вас к нам и, по-видимому, прямо с вокзала?

– Да, прямо с вокзала.

Рябинин сбивчиво, сумбурно начал рассказывать всю историю с подарком для сестры, который он получил, затем вернул старухе, погибшей на следующий день от несчастного случая. Лейтенант спешил, стараясь как можно скорее высказать все, что волновало его.

– Понятно, – прервал его подполковник. – Подробности пока не нужны. Прошу вас предъявить свои документы.

Он внимательно рассмотрел все документы Рябинина, вернул их, спросил некоторые данные о сестре Андрея и о ее муже, сделал какие-то пометки в лежавшем на письменном столе блокноте и затем сказал:

– Вы правильно сделали, лейтенант, что пришли к нам. Попрошу вас чемоданы оставить здесь, а самому подождать в приемной. Я доложу кому нужно о вашем приходе, закажу вам пропуск. Вас примет товарищ, которому вы все подробно расскажете. Минутку... Рябинин, Андрей Игнатьевич?

– Так точно.

– Хорошо. Пропуск вам принесут сюда.

...Время тянулось томительно долго. Андрей непрерывно поглядывал на часы, и ему казалось, что стрелки часов движутся медленно, очень медленно.

Через сорок минут Рябинина принял полковник Дымов. Лейтенант так же взволнованно и сбивчиво, как и в недавней беседе в приемной министерства, начал было рассказывать о своей последней встрече с фрау Гартвиг и подарке для сестры, однако Дымов, дружески улыбаясь, остановил его:

– Прежде всего успокойтесь, товарищ лейтенант. Рассказывайте не спеша, по порядку. Не возражаете?

– Конечно... Простите, товарищ полковник, я волнуюсь...

– Вот я и хочу, чтобы вы успокоились, тогда и побеседовать мы сможем поподробнее.

Сергей Сергеевич стал расспрашивать Рябинина о жизни и службе в Германии, о зарубежных впечатлениях, о самочувствии и отдыхе советских офицеров. Отвечая на вопросы полковника, Рябинин постепенно успокоился, незаметно для самого себя втянулся в беседу и, естественно, перешел к рассказу о сестре, о фрау Гартвиг, о последней встрече с ней, о полученном и возвращенном подарке и о неожиданной смерти Гартвиг за два часа до его отъезда в Москву. Дымов слушал молча и очень внимательно, изредка прерывая Рябинина короткой репликой или уточняющим вопросом.

– Не можете ли вы описать наружность гостя фрау Гартвиг? – спросил Дымов, делая пометки на большом листе бумаги.

– Фигура у него запоминающаяся... Высокий, худой, костлявый... большие красные руки... Что еще? Взгляд какой-то тяжелый, неприятный. Да, если не ошибаюсь, на щеке у него бородавка или что-то вроде этого.

– Так, так. Хорошо...

Карандаш Дымова быстро бегал по бумаге.

– Раньше вы его в квартире Гартвиг никогда не видели?

– Нет, никогда.

– О своей большой приятельнице фрау Гартвиг вам рассказывала?

– Нет, никогда.

– С сестрой вы переписывались?

– Очень редко.

– Она когда-нибудь обращалась к вам с просьбой зайти к фрау Гартвиг, передать привет, достать какую-либо вещь?

– Нет, ни разу.

– Хорошо... Что собой представляет кольцо? Вы его видели?

– Нет. К сожалению, я даже не раскрыл футляр.

– Да, это жаль, – задумчиво протянул Дымов, но, заметив огорчение и смущение на лице лейтенанта, добавил: – Собственно, вы и не успели этого сделать.

– Конечно, – охотно откликнулся Рябинин. – Так неожиданно все получилось.

Зазвонил телефон. Дымов поднял трубку.

– Полковник Дымов... Да, да... Понятно. Хорошо, Алексей Петрович, заходите.

Дымов повесил трубку и поглядел на Рябинина, как бы вспоминая, на чем был прерван их разговор.

– Вы все рассказали, товарищ лейтенант?

– Кажется, все, товарищ полковник.

– Все, так все! – Полковник помолчал и неожиданно добавил: – Что же касается ваших родственников, о которых вы рассказали у нас в приемной, то вы несколько ошиблись, товарищ лейтенант. Муж вашей сестры Иван Васильевич Барабихин не капитан, а инженер-майор, и название института, в котором он работает, вы немного перепутали.

Рябинин смутился и признался полковнику, что, вероятно, «поотстал», так как давно ничего не слышал о сестре и о ее муже. Ему не терпелось узнать, почему полковник так хорошо осведомлен о Барабихине, но он сдержался и ничего не спросил.

А Сергей Сергеевич уже расспрашивал, как доехал лейтенант, знает ли сестра о дне его приезда, позвонил ли он с вокзала домой? Получив ответы на все эти вопросы, полковник удовлетворенно кивнул головой.

В дверь постучали. Вошел невысокий беловолосый капитан с открытым, приветливым лицом.

– Разрешите? – Капитан остановился на пороге.

– Да, да... Заходите.

Рябинин встал, приветствуя старшего по званию. Капитан вежливо наклонил голову.

– Лейтенант Рябинин, сегодня приехал из Берлина, – сказал Дымов. – Пришел поделиться своими берлинскими впечатлениями и сомнениями. Они пока весьма расплывчаты, но любопытны... Да, да, весьма любопытны...

Капитан промолчал, ожидая дальнейших подробностей, но полковник поднялся и добавил:

– Алексей Петрович, побудьте здесь вместе с лейтенантом. Я скоро вернусь.

– Хорошо, Сергей Сергеевич.

Дымов вышел. Капитан с откровенным любопытством оглядел лейтенанта и уселся на диване, стоявшем возле стены. Рябинин ожидал, что капитан начнет расспрашивать его о чем-нибудь, но тот придвинул к себе пачку газет, лежавших на диване, развернул одну из них и углубился в чтение.

– Не хотите ли посмотреть свежую газету? – дружелюбно предложил он через минуту.

– Благодарю вас, с удовольствием!

Рябинин взял «Правду». Передовая статья была посвящена уборке урожая. Телеграммы со всех концов страны сообщали об успехах сталеваров, о достижениях текстильщиков, о научных конференциях в институтах Академии наук. В сообщениях из-за границы мелькали заголовки: *«Подрывная деятельность американской разведки»*, *«Новые провокации против стран народной демократии»*, *«Реакционеры не унимаются»*... Андрей просматривал заголовки, читывал отдельные абзацы, но сосредоточиться не мог. Его волновал вопрос – чем кончится вся эта история? Может быть, он зря побеспокоил работников МВД, сейчас выяснится, что все его подозрения и страхи напрасны, и он уйдет отсюда успокоившийся, с облегченным сердцем.

Полковник долго не возвращался. Иногда звонил телефон. Капитан вставал, снимал трубку и негромко отвечал:

– Капитан Уваров слушает... Полковника нет, скоро вернется. – Потом опять усаживался и шуршал газетами.

Наконец дверь открылась и Дымов вошел в кабинет, как показалось Рябинину, возбужденный, с большим пакетом в руках. Походка его была быстрой, движения стремительны, и весь он выглядел подтянутым, помолодевшим. Уваров при первом же взгляде на своего началь-

ника понял, что «нашупано» интересное, важное дело и предстоит серьезная работа. Именно в такие минуты полковник обычно преображался – исчезала усталость, в глазах появлялся «огонек», в голосе звучали властные нотки, и всех окружающих он заражал неиссякаемой энергией и трудоспособностью.

Дымов сел за стол, положил перед собой пакет и удовлетворенно сказал:

– Не зря вы пришли к нам, лейтенант, не зря...

У Рябина снова сильно заколотилось сердце, он весь подался вперед, ожидая, что еще скажет полковник. Но тот неожиданно спросил:

– Скажите, вы комсомолец, коммунист?

– Кандидат... Раньше был в комсомоле...

– Отлично... Так вот, слушайте. Даю вам как молодому коммунисту, поручение. Вы должны выполнить его точно, иначе испортите нам все дело...

– Я готов, товарищ полковник, сделать все, что необходимо. Я готов...

– Не сомневаюсь, – прервал его Дымов и улыбнулся. – Пока от вас требуется немного...

Прежде всего давайте посмотрим с вами одну фотографию.

Дымов вынул из пакета фотокарточку и протянул ее лейтенанту. С карточки на Рябина глянуло худое, хмурое лицо гостя, которого он видел в квартире фрау Гартвиг за день до своего отъезда. Рябинин невольно отшатнулся в изумлении. Правда, на фотографии старик казался моложе, его жилистую шею подпирал высокий белый воротничок со старомодным черным галстуком; выглядел он торжественно, как на параде, но Андрей сразу узнал его.

– Это тот самый, которого я видел у Гартвиг, – возбужденно проговорил Рябинин, возвращая карточку. – Безусловно. Это он!

– Вы не ошибаетесь?

– Нет, ошибиться невозможно... На снимке даже бородавка заметна. Поглядите.

Дымов тоже внимательно всмотрелся в фотографию, мельком оглянулся на стоявшего позади Уварова и снова спрятал в пакет.

– Спасибо, лейтенант. – В голосе Дымова Рябинин уловил что-то теплое, задушевное. – Я тоже думаю, что вы не ошиблись. Нет, лейтенант, мы с вами не ошиблись, – повторил полковник, подчеркивая слово «мы». – А теперь слушайте меня внимательно. О вашем приходе к нам – никому ни слова. В том числе – ни сестре, ни ее мужу... Не подумайте о них ничего плохого – так нужно в интересах дела и для их спокойствия. Понятно?

– Понятно! А о том, что произошло в Берлине?

– Об этом можете говорить. Только не пытайтесь делать какие-либо выводы, они преждевременны. Возможно, вы нам понадобится. Нам нужна будет ваша помощь. Вот вам наши телефоны – мой и капитана Уварова.

Дымов записал номера телефонов и протянул лейтенанту листок, вырванный из блокнота.

– Если появится необходимость – звоните. Если вы нам будете нужны – вызовем. Ясно?

– Ясно.

– Где вы собираетесь остановиться?

– Я еще не решил, товарищ полковник. Хотел пожить у сестры... Но, может быть, мне лучше устроиться в гостинице, в офицерском общежитии?

– Что ж, пожалуй, это неплохо. Устроиться сумеете?

– Поеду в комендатуру. Надеюсь, что в общежитии койка найдется.

– Ну, хорошо. Если будут затруднения – позвоните, я вам помогу. А теперь – спасибо за приход. Желаю успеха... Побольше отдыхайте, побывайте в театрах, музеях, на стадионе «Динамо». Небось любите футбол?

– Болею, товарищ полковник...

– Не сомневаюсь. Ну а любимая девушка, невеста, есть? Ждет, наверно?

Рябинин замялся, не находя слов для ответа. Дымов хитро подмигнул:

– Секрет? Ну, раз так – спрашивать не буду. В эти секреты мы не вмешиваемся. Давайте ваш пропуск, лейтенант.

Дымов расписался на пропуске, прихлопнул его небольшой печатью и, пожимая руку лейтенанту, проговорил:

– До скорого свидания... Рад был с вами познакомиться.

Когда Рябинин вышел, в кабинете воцарилась тишина. Уварову хотелось о многом спросить, узнать, что сообщил лейтенант, что за фотографию принес и показал полковник, но он привык не задавать лишних вопросов и ждал, когда начальник заговорит сам. Дымов, наклонившись над столом, казалось, что-то обдумывал, взвешивал, сопоставлял. Прошла минута, другая... Наконец полковник поднял голову и медленно сказал:

– Поспешность в суждениях ведет к неправильным выводам, уважаемый Алексей Петрович.

Уваров не выдержал:

– Это упрек, Сергей Сергеевич?

– Если хотите – да, упрек.

– По какому поводу?

– По поводу того, что поспешность обычно ведет к неправильным выводам. Впрочем, вы все сами поймете – и очень скоро. Скажите, как с заданием по делу Барабихиных?

– Все в порядке, товарищ полковник.

– Точнее?

– Барабихины ведут замкнутый образ жизни. Почти нигде не бывают, да и к ним редко кто заходит. Майор и дома, очевидно, работает.

– Дома?

– Так точно... А жена днем – в городе, вечерами – дома. Нормально живут!

– Очень хорошо. И все же сейчас нам особенно важно быть начеку. Да присаживайтесь, Алексей Петрович, чего зря стоите?

Капитан присел на стул и спросил:

– Сергей Сергеевич, что-нибудь новое произошло, дополнительные данные получили?

– Получил, дорогой товарищ, получил! И совсем с другой стороны.

– Что именно? – Уваров подался вперед.

– Лейтенант Рябинин, который только что был здесь, – родной брат жены Барабихина. Он сегодня приехал из Берлина. Он должен был привезти сестре подарок от фрау Гартвиг, кольцо.

– Гартвиг! – не удержался капитан. – Мы о ней запрашивали.

Дымов постучал пальцем по пакету, который лежал перед ним на столе.

– Вот здесь ответ из Берлина на наш запрос. Домохозяйка Марта Гартвиг – мать активиста Союза свободной немецкой молодежи Пауля Гартвиг – честная, лояльная немецкая женщина. – Он помолчал и тихо добавил: – Ее уже нет в живых. Два дня назад она погибла под колесами легкового автомобиля. Об этом же нам сообщил лейтенант Рябинин.

Полковник умолк и задумался. Молчал и капитан Уваров. Так прошло несколько минут. Полковник вышел из-за стола и зашагал по кабинету.

– Возможно, что смерть фрау Гартвиг – трагическая случайность. В таком городе, как Берлин, она вполне вероятна. Но все, что предшествовало этой смерти, – очень странно, очень странно. Попробуем, Алексей Петрович, разобраться в том, что у нас есть...

Сергей Сергеевич подошел к столу, взял лист бумаги и размашисто написал: «*Лаборатория "С" – Барабихин*», заключив эти слова в большой квадрат. Он соединил его с маленькими квадратиками и кружочками, каждый из которых имел свое название. Слева от большого квадрата он расположил всех, известных ему по Берлину лиц: владелец комиссионного магазина Штрумме, тонкой чертой соединенный с Гартвиг, тянулся далее через Рябинина к сестре

лейтенанта и к Барабихину. А справа от большого квадрата появилась Липатова, с нею пунктиром был соединен Сиротинский. Подумав несколько секунд, Сергей Сергеевич зачеркнул линию, соединявшую Сиротинского и Липатову, и квадратик с Сиротинским оказался изолированным, но ненадолго. Возникла новая линия, она тянулась от Сиротинского прямо к Барабихину и останавливалась где-то на полпути, как выпущенная, но еще не долетевшая стрела.

Потом твердо, не раздумывая, Дымов соединил линии, идущие от кружочков с именами Штрумме и Сиротинского, и над точкой их соединения надписал: «*Берлин*».

Алексей Петрович Уваров внимательно следил за возникающей на бумаге схемой... Он начинал понимать ход мыслей начальника... И для него тоже схема переставала быть безжизненным, непонятным и неумело сделанным чертежным наброском. Она превращалась в поле боя. На схеме жили, сталкивались люди – друзья, враги; их планы, устремления, судьбы причудливо и пока еще не совсем ясно переплетались, противостояли друг другу. И в наступившей тишине, глядя на склоненную над схемой седую голову начальника, капитан Уваров ощутил прилив радости за то, что партия доверила ему, Уварову, большую и трудную работу чекиста, поставила его на линию огня.

– Алексей Петрович, – внезапно спросил Дымов. – Барабихины живут в отдельной квартире?

– Нет, Сергей Сергеевич. Я же докладывал. В квартире три комнаты. Две из них занимают Барабихины, а в третьей живет одинокая женщина. Учительница 254-й средней школы Анна Андреевна Кротова.

Выслушав помощника, Дымов прищурил глаза и тыльной стороной руки потер лоб, обдумывая внезапно возникшую мысль. Видимо, эта мысль пришлась весьма кстати, так как полковник, продолжая все так же щуриться, с довольным видом взглянул на Уварова и сказал:

– Вот что, Алексей Петрович! Бери-ка машину и быстро, вежливо, аккуратно доставь сюда соседку Барабихиных. Как ты ее назвал?

– Кротова Анна Андреевна.

– ...Анну Андреевну Кротову... Без шума и посторонних глаз.

Уваров встал:

– Есть, Сергей Сергеевич! Разрешите идти?

– Иди, да поскорее!

Когда капитан вышел, полковник еще несколько секунд сидел в задумчивости, потом неторопливо снял телефонную трубку, набрал номер и попросил начальника немедленно принять его.

Глава восьмая. Увлечение Таси Барабихиной

Жене инженер-майора Ивана Васильевича Барабихина, Таисии Игнатьевне Барабихиной, шел 26-й год, и это очень огорчало ее. Она решительно не хотела стареть и свои 26 лет считала «ужасным возрастом». Об этом она обычно говорила с напускной грустью, которая все же не могла скрыть ее жизнерадостности и женского кокетства.

Выглядела Тася очень молодо, и многие знакомые, любители угадывать возраст, обычно ошибались – и давали ей не больше 20 лет. На смуглом овальном лице с правильными чертами выделялись черные блестящие глаза, искрившиеся весельем. Голову украшала замысловатая прическа из светлых, с золотистым отливом волос. Платья и костюмы спортивного покроя отлично гармонировали с ее стройной фигурой. Всем своим обликом она была похожа на девушку, только что вступающую в прекрасную пору своего расцвета.

Тася не кончила десятилетки. В пятнадцать лет, в первый год войны, она лишилась родителей. В далеком Челябинске, куда она была эвакуирована вместе с младшим братом и жила у старой тетки, Тася занималась на курсах машинописи. А когда отшумела война и Тася вернулась обратно в Москву, девушка не захотела учиться дальше. – Мне даже как-то неудобно, – говорила она, пожимая плечами, – в девятнадцать лет – за парту с девочками садиться. – Но это была только отговорка. Тасе просто не хотелось заниматься. Она жила одна в комнате, оставшейся от родителей, служила в тресте местной промышленности и неплохо зарабатывала, брат учился в военной школе.

В свои школьные годы Тася была веселой, взбалмошной девчонкой, для которой учеба казалась неизбежной обузой, дисциплина – «подавлением личности», общественная работа – излишней затратой времени. Педагоги любили ее за способности и память, за искренность и доброту. Но все они, встречаясь в учительской или на заседаниях педсовета, сходились на том, что Тася Рябинина слишком непоседлива и неустойчива и что дальнейший жизненный путь девочки так и не определился.

В 1948 году Тася познакомилась с военным инженером Иваном Васильевичем Барабихиным. Он был на 10 лет старше Таси. Серьезный и очень скромный, он разительно отличался от большинства ее знакомых и друзей.

И все же, несмотря на различие характеров, Тася изо дня в день привязывалась к нему все больше и больше. Она скучала, когда подолгу не видела его, нервничала, когда он не звонил по телефону. Компания, в которой Тася проводила свое свободное время до знакомства с Барабихиным, казалась ей теперь скучной и неинтересной. Тася хотела быть с Иваном, и только с ним. И в один из морозных январских вечеров она почувствовала себя по-настоящему счастливой.

В этот вечер Иван Васильевич Барабихин, взволнованный и смущенный, спросил – хочет ли Тася стать его женой?

Однако, став женой военного инженера Барабихина, съездив с ним за границу и вернувшись обратно, Тася сохранила в себе многие черты и наклонности, которые проявлялись у нее еще в школе. Она осталась такой же легкомысленной, кокетливой, увлекающейся, любительницей всевозможных нарядов и развлечений. Правда, по настоянию мужа, Тася просматривала газеты, читала книги и даже записалась в кружок кройки и шитья. Но все это она делала без какого-либо интереса и внутренней потребности, только потому, что любила Ваню и хотела сделать ему приятно.

Глядя на чету Барабихиных, люди удивлялись: до чего же они разные. Иван Васильевич был полной противоположностью жене. Скромный, молчаливый, необыкновенно усидчивый и трудолюбивый, он много работал и в институте и дома. Даже в свободные минуты голова его всегда была занята всевозможными планами, проектами, конструкциями. Он любил свое дело любовью советского инженера, офицера, коммуниста, которому близко и дорого все, чем

живет страна, чем гордится армия, все, что – капля за каплей, звено за звеном – укрепляло и укрепляет могущество родины. На кальках чертежей оживали его работы, в моделях – маленьких, игрушечных – овеществлялся замысел конструктора... И когда по этой модели начиналась постройка новой марки машины, Барабихин испытывал так много чувств, что не смог бы и сам определить, какое из них главное – радость, гордость или сознание выполненного долга?..

Второй любовью его была Тася. К жене он относился с трогательной нежностью, заботился о ее здоровье, прощал ей маленькие женские слабости и недостатки характера. Приходя поздними вечерами домой, Иван Васильевич расспрашивал жену, как она провела день, не скучала ли и, заглядывая в черные блестящие глаза, осторожно целовал. Тася рассказывала ему, что делала, с какими подругами встречалась, где была, в каких магазинах толкалась. Слушая болтовню жены, Барабихин через минуту ловил себя на том, что он думает о другом – о незаконченных чертежах, о проходящих испытаниях, о последней статье в теоретическом журнале...

– Да ты меня не слушаешь, – надув губы, говорила Тася. – Ты совсем перестал обращать внимание на свою жену.

Да, Иван Васильевич не слушал рассказов жены, так как они его просто не интересовали. Ну, была в магазинах, стояла в очереди за каким-то «креп-мараконом» (и название какое-то заумное!..), вместе с подругой была в кино, ела мороженое... Все одно и то же, одно и то же, ничего нового. Но так как не хотелось обижать Тасю, он, отгоняя собственные мысли, уверял ее:

– Я слушаю, Тасенька, внимательно... Значит, тебе понравился этот материал, как его...

– Панбархат!..

– Так... Ну и дальше что?

– А дальше ничего. Я вижу, что тебе все это неинтересно... А мне скучно... Тебя никогда нет, я всегда одна... Вот, влюблюсь в кого-нибудь, тогда будешь знать!..

– Ну-ну! – Барабихин шутливо грозил пальцем, а у самого становилось тяжело на душе. Вспоминалась смерть двухлетнего ребенка, он так любил малыша, и Тася тоже. Она могла быть прекрасной матерью... Вспоминался Берлин, вся эта неприятная история со Штрумме, о которой он впоследствии с Тасей никогда не говорил... Действительно, Тася всегда одна, времени свободного – уйма, от безделья до глупости – один шаг. Он это знал. Нет, надо будет все же как-то выкраивать время для жены, увлечь ее каким-нибудь делом, заставить учиться...

Тяжело вздохнув, Иван Васильевич поворачивал голову в сторону своего кабинета. Там, на большом письменном столе, лежали его бумаги – блокноты, черновики. В них он записывал – очень кратко – вновь возникшую мысль, начало новой оригинальной идеи. А потом, завтра, в своем служебном кабинете эти краткие наброски превращал в стройные расчеты, схемы, чертежи. Все это «хозяйство», уходя домой, он запирает в сейф.

Еще раз поцеловав жену, Иван Васильевич шел к столу и придвигал к себе бумаги.

Заметив тень на лице мужа, Тася тоже замолкала и укоряла себя за глупые слова, сорвавшиеся с языка: «Вот влюблюсь в кого-нибудь...» Нет, она не собиралась влюбляться, да и знакомых мужчин у нее почти не было – только женщины, соседки, старые подруги. Кроме того, один раз она уже доставила мужу и себе много неприятностей. Берлин, комиссионный магазин, Штрумме... Нет, нет, не надо вспоминать... У нее есть хороший муж, уютная квартира, полный материальный достаток – что еще ей нужно?..

Однажды Иван Васильевич Барабихин, вернувшись поздним вечером домой с собрания, застал жену необычно взволнованной. То смеясь, то плача, она рассказала, что недавно, час назад, с ней приключилось «нечто ужасное». Зная, что сегодня Иван Васильевич придет поздно, она задержалась у знакомых и возвращалась домой около 11 часов вечера. Было уже темно, улицы опустели. На повороте, недалеко от дома, к ней внезапно подскочил какой-то хулиган и вырвал у нее из рук сумочку. Тася от неожиданности вскрикнула. Но в эту же минуту

к ней на помощь подоспел неизвестный мужчина. Он схватил грабителя за грудь, отобрал сумочку... Хулиган сразу пустился бежать и скрылся в темноте. Так как Тася была очень напугана и даже расплакалась, мужчина проводил ее до дома. С тех пор прошло уже больше часа, а она никак не может успокоиться.

– Да, тебе повезло, – сказал Иван Васильевич, обнимая жену. – Хорошо, что рядом оказался смелый человек. Ты хоть поблагодарила его?

– Конечно, как же иначе!

– Но кто он, ты узнала?

Тася растерянно пожала плечами.

– Я даже не догадалась спросить, а он...

– А он был настолько скромнен, что не назвал себя... Настоящий мужчина! – похвалил Иван Васильевич, потом помолчал и добавил: – В другой раз, если будешь так поздно задерживаться, звони мне на работу, я заеду за тобой.

Иван Васильевич подошел к окну и посмотрел на улицу.

– Надо будет заявить в милицию, – проговорил он. – Черт знает что!..

На следующий день вчерашний случай со всеми страхами и волнениями был забыт. Утром Тася проснулась в хорошем настроении, понежилась некоторое время в постели, затем занялась уборкой. Подметая комнату и перетирая безделушки, она напевала и даже несколько раз заводила радиолу. У нее был большой выбор пластинок. Веселые арии из оперетт сменялись старинными романсами, песни советских композиторов перемежались с тягучими, надрывными мелодиями в исполнении Вертинского. Тася ставила все пластинки подряд, без разбора, лишь бы звучала музыка, лишь бы кто-то пел о жизни, радости любви.

Муж обещал сегодня прийти пораньше, и это тоже радовало Тасю. Такие случаи бывали нечасто. Она решила приготовить на ужин самые вкусные, любимые мужем блюда и с увлечением занялась кулинарией.

День пробежал в домашних хлопотах, быстро и незаметно. В семь часов вечера раздался звонок, и Тася бросилась открыть входную дверь, удивляясь: почему Ваня звонит, неужели забыл ключ? Но на пороге стоял брат, Андрей.

– Андрейка! – вскрикнула Тася и повисла у него на шее. – Как замечательно, что ты приехал! Входи, входи! Почему ты не дал телеграммы, я бы тебя встретила... А где же твои вещи?

– Выехал неожиданно, поэтому и не телеграфировал, – ответил Андрей. – А вещи в офицерском общежитии. Решил не стеснять тебя с мужем.

– Как тебе не стыдно, Андрейка! Ну, входи, а там разберемся!

Андрей вошел в комнату и огляделся.

– У вас уютно. Хорошо устроились. А ты все такая же маленькая и курносая...

– Сам ты курносый... Признавайся, почему не предупредил о приезде?

Андрей в свое оправдание привел десятки доводов.

– Не упрекай, Тася, так удобнее и мне и вам. Я буду гулять вовсю, зачем связывать тебя?

Тася с детства любила брата и его приезду искренне обрадовалась. Усадив в кресло, она тормошила, обнимала его и без умолку болтала.

– Как я рада! И Ванюша будет очень рад. Но зачем ты все-таки в общежитие поехал? Зачем? Вот этот диван был бы в твоём распоряжении. Эта тумбочка – тебе... Костюм когда выгладить – сейчас или позднее?

– погоди, не спеши, – отмахивался Андрей. – Дай разобраться, оглядеться. Выглядишь ты неплохо, поправилась, похорошела. Кстати, я чуть было не привез тебе из Берлина подарок от твоей бывшей квартирохозяйки фрау Гартвиг. Помнишь такую?

– Фрау Гартвиг? Конечно, помню. Маленькая, смешная, но добрая старушка. Она была так привязана ко мне. Но почему ты говоришь: «Чуть не привез»?

– А потому, что вначале, узнав, что я еду в Москву, она дала мне подарок, маленькое колечко, а потом отобрала его обратно, – ответил Андрей.

Тася не поверила. Она рассмеялась, решила, что брат просто разыгрывает ее, но, когда Андрей сообщил ей о внезапной смерти фрау Гартвиг, Тася притихла и, забыв про колечко, огорчилась, смолкла.

Андрей видел, как расстроилась Тася, услышав о смерти Гартвиг, как ее лицо, только что смеющееся, радостное, стало грустным. И теплое чувство к сестре шевельнулось в его сердце. Какая она простая, непосредственная. Нет, нет, Тася не способна ни на что дурное... Но почему все-таки полковник так заинтересовался рассказанной ему историей? Почему он был так осведомлен о Барабихиных?..

Иван Васильевич, придя домой, тоже обрадовался гостю. Похлопывая Андрея по плечу и поворачивая во все стороны, он удовлетворенно говорил:

– Ну-ка, покажись, добрый молодец! Вырос, окреп, наверно, отличным строевиком стал, не чета нам, штабным, да ученым...

Он смеялся, шутил, предложил отметить приезд рюмочкой портвейна, в общем, был в веселом расположении духа. Настроение его заметно понизилось, когда Тася рассказала о странном поступке фрау Гартвиг и о смерти старухи.

– Жаль старушку, – медленно произнес он, щури и без того близорукие глаза. – Что же касается подарка, хорошо, что не привез, и вообще его брать не следовало.

– Почему? – воскликнула Тася. – Может, там была прекрасная вещица, заграничная...

– В том-то и дело, – ответил Барабихин и замолчал.

Андрей понимал Ивана Васильевича, соглашался с ним и мысленно пожелал этому «несостоявшемуся» подарку провалиться в преисподнюю...

Разговор оборвался. Каждый углубился в свои мысли. Барабихин думал о том, что ему нужно будет завтра позвонить полковнику Дымову и рассказать о том, что произошло в Берлине. А Тася молча сидела на диване. В этот момент она считала себя всеми обиженной и очень несчастной.

В этот вечер Барабихины так и не отпустили Андрея и заставили его ночевать у них. Когда он проснулся утром следующего дня, Ивана Васильевича уже не было дома – ушел на службу, а Тася, надев передник, хлопотала по хозяйству.

– Вставай, соня, – сказала она. – Я сейчас накормлю тебя твоей любимой глазуньей.

За завтраком Тася рассказывала брату подробности своего житья-бытья. Все идет хорошо, всем она довольна, только вот Ваня вечно занят и видит его она только рано утром и поздно вечером. Но он обещает скоро закончить какую-то важную и секретную работу и тогда будет приходить домой вовремя, не позже семи вечера.

Андрей в свою очередь рассказал сестре, как ему живется в Берлине, похвалился своими служебными успехами, обещал прийти вместе с Зоей, которую Тася никогда не видела.

Они распрощались, довольные друг другом.

– Звони и заходи почаще, – попросила Тася, провожая брата, – а то сердиться буду.

– Есть звонить и заходить! – шутливо отработовал Андрей уже на лестнице.

Вечером, готовя ужин мужу, Тася по обыкновению рассказывала ему все новости, накопившиеся за день. Среди других новостей она сообщила и о том, что сегодня к их соседке, милейшей Анне Андреевне, неожиданно приехал племянник. Откуда-то из глухомани, из какого-то медвежьего угла. Такой славный, простой. Мы уже познакомились. Зовут Володя. Правда, остановился он не здесь, а где-то у товарища, они вместе готовятся в институт, но Анну Андреевну предупредил, что будет часто заходить к ней и заниматься в ее отсутствие.

– Вот и хорошо, – обрадовался Иван Васильевич. – Андрей будет занят Зоей, зато Володя иногда сможет составить тебе компанию, а ты как столичная жительница сама пригласи его в

театр, сходи с ним в Третьяковку. Москва гостеприимством славится. Да и Анна Андреевна будет рада, ей ведь трудновато по Москве гоняться.

– Очень интересно этому юноше с такой старухой, как я, по Москве гулять, – рассмеялась Тася. – Да и видела его я только мельком, издали...

– А своего благородного рыцаря ты так и не встречала больше? – спросил Иван Васильевич.

– Нет, Ваня, наверно, он живет не в нашем районе, и я его никогда не увижу.

Но Тася ошиблась. На следующий день, на той же улице и почти на том же месте она столкнулась с тем, кто спас ее от грабителя. К ней подошел высокий, еще молодой мужчина с приятным, загорелым лицом. В руках незнакомец держал пачку газет и журналов. Он приподнял шляпу и вежливо сказал:

– Здравствуйте... Как вы себя чувствуете?

Тася сразу узнала своего спасителя.

– Здравствуйте... Как я вам благодарна за помощь... Вы знаете, я так была напугана... еле дождалась прихода мужа. Он тоже вам так благодарен...

– Не за что. Это долг каждого мужчины. Жаль только, что этот негодяй убежал. Его надо было доставить в милицию, чтобы он получил по заслугам.

– Бог с ним, – ответила Тася. – Где-нибудь попадетсЯ.

Беседуя, они дошли до станции метро «Сокол».

Здесь был рынок цветов, и Тасе нужно было купить букет ко дню рождения одной из своих многочисленных приятельниц. Разговаривать с незнакомцем было удивительно легко и просто. Смеясь и шутливо сожалея, что у него нет с собой визитной карточки, он откомендовался: Юрий Владимирович Рущинский, журналист, пишет для редакций многих газет и журналов, часто бывает в командировках, разъезжает по стране. Одинокий. И когда Тася недоверчиво покачала головой, дал честное слово, что это именно так, – совсем одинокий. В свободное время увлекается теннисом и особенно рыбной ловлей. Бывает, конечно, в театрах, на концертах – без этого культурный человек жить не может.

Тася вздохнула.

– Завидую вам... А мой муж вечно занят, даже в выходные дни, так что в театрах мы бываем очень, очень редко... А я так люблю театр, музыку...

– Жаль, жаль! – искренне и просто сказал Рущинский и тут же, как бы спохватившись, добавил: – Если вы только позволите... я всегда к вашим услугам... Я буду очень рад пригласить вас в театр...

Тася оценила скромность своего нового знакомого, но все же кокетливо заметила:

– Ого!.. Какой вы скорый, только что познакомились – и сразу в театр...

Тася выбрала и купила понравившийся ей букет из роз, георгинов и левкоев.

– Чудесный букет, – похвалил Рущинский и поинтересовался:

– Кого вы собираетесь осчастливить им?

– Секрет! – ответила Тася. – А чтобы вы не завидовали – вот вам!

Она вырвала из букета пунцовую розу и приколотла к пиджаку Рущинского.

– Это в знак благодарности за спасение моей сумочки, – сказала она смеясь.

Тася рассталась с Рущинским в состоянии некоторой внутренней приподнятости и неосознанного волнения. Он понравился ей и внешностью, и манерами, кроме того, ведь именно он оказал ей такую большую услугу в тот вечер. Чутьем женщины Тася угадывала, что и сама произвела впечатление на нового знакомого. Его приглашение в театр даже польстило ей. Но неудобно же с первого раза согласиться. Кроме того, как на это посмотрит муж?.. На вопрос Рущинского, когда он снова увидит ее, Тася неопределенно ответила, что, возможно, завтра, в это же время, здесь... Она любит цветы и часто покупает их. Может быть, и завтра тоже... Но про себя она сразу же решила, что придет обязательно.

Возбужденная, Тася направилась домой. У самого подъезда она столкнулась с племянником соседки Анны Андреевны.

– Володя, вы к нам? – спросила Тася, приветливо улыбаясь юноше.

– К вам, Таисия Игнатьевна, – ответил он, показывая пачку книг, которую нес под мышкой. – Экзамены на носу... Какой у вас замечательный букет!.. – Володя восхищенно смотрел на цветы. – Подарок?

– Много будете знать – скоро состаритесь, – рассмеялась Тася.

– А я думаю, наоборот, – покачал головой юноша. – Знать больше буду – молодеть начну.

Перебрасываясь шутливыми фразами, они вошли в квартиру и разошлись по своим комнатам.

О встрече с Рущинским Тася мужу ничего не сказала. Почему? На этот вопрос, пожалуй, она сама бы не смогла ответить. Возвращаться к разговорам о сумочке ей не хотелось, а знакомство с Рущинским сразу же, помимо ее воли, приобрело какой-то личный, интимный характер. Ведь завтра она опять увидит его. Что же, о завтрашнем дне тоже рассказать? Нет, не стоит, не к чему...

На следующий день к рынку цветов Тася подходила с двойственным чувством: ей хотелось, чтобы Рущинский не пришел и на этом знакомство с ним оборвалось; и вместе с тем ей хотелось, чтобы он был здесь, ждал ее, говорил с ней.

Высокую фигуру Рущинского она увидела еще издали. Он поспешил ей навстречу и протянул небольшой, но отлично подобранный букет цветов.

– Вчера вы подарили мне розу в знак награды за спасение вашей сумочки, – сказал он, широко улыбаясь. – А сегодня примите этот скромный букет от меня в знак нашего знакомства и будущей дружбы.

Он долгим взглядом посмотрел на молодую женщину, и Тася зарделась, поблагодарила и взяла букет. Ведь она любила цветы и отказаться не могла.

В этот день они расстались не сразу: долго бродили по Ленинградскому шоссе, а когда проголодались и Тася устала, зашли на стадион «Динамо» и пообедали в открытом ресторане. За этой встречей последовала другая, третья. Они встречались ежедневно. Рущинский был неизменно корректен, весел и щедр на расходы. Они бывали в кино, бродили по аллеям Парка культуры и отдыха имени Горького, катались на лодке.

Тасе было приятно проводить время с новым знакомым. Она могла с ним болтать о чем угодно. Он не сковывал ее мыслей, слов, был похож на тех, которых она знала давно, до своего замужества. Рущинский охотно говорил на любые темы... По-видимому, он много читал, много перевидел в своей жизни. Но странное дело, знания его были какие-то книжные. Он рассказывал Тасе, что часто и подолгу ездит по стране, однако ничего красочного, запоминающегося о людях, о местах, в которых побывал, рассказать не мог. Правда, Тася и не особенно этим интересовалась. С ним было приятно, а главное – весело. Однако если бы кто-нибудь сказал Тасе, что она влюблена в Рущинского, она бы искренне рассмеялась. О нет! Любит она одного Ваню – умного, серьезного, а это просто так, приятное времяпрепровождение, не больше.

А дома все шло по-прежнему. Как раньше, Иван Васильевич поздно возвращался со службы. Работа близилась к концу. Теперь чаще, чем когда-либо, после торопливо съеденного ужина он спешил к своему письменному столу и почти до самого утра продолжал писать, чертить, рассчитывать. Рабочего дня не хватало.

Так же как и раньше, ежедневно в квартире появлялся в дневные часы племянник Анны Андреевны – Володя, с обычной пачкой книг в руках. Он неслышно проходил в комнату тетки, где тоже занимался, работал, читал.

Тася не раз собиралась, но никак не могла найти времени куда-либо пригласить юношу. Она почти все дни проводила вне дома. Однако при случайных встречах с Володей, когда он

неизменно дружески приветствовал ее, она чувствовала некоторые угрызения совести: все-таки следовало бы развлечь юношу, показать ему Москву.

Иногда, поздно вечером, когда муж работал в соседней комнате, Тася, забравшись с ногами на диван, пыталась анализировать свои чувства и поступки. Она успокаивала себя тем, что, в сущности, встречами с Руцинским заполняет свободное время, а любит она все-таки только своего Ванюшку. И не рассказывает ему ни о чем, потому что не хочет тревожить. Ведь ничего, кроме флирта, нет...

Да и сам Руцинский ведет себя очень сдержанно и никаких попыток к более близким отношениям не проявляет. Правда, он часто спрашивает, как живет Тася, какие у нее отношения с мужем, что он делает, когда приходит домой, рассказывает ли ей о своей работе, о своих изобретениях. Все эти вопросы не что иное, как признак внимания к ней и уважения к ее милому Ване – талантливому инженеру, изобретателю. Руцинский ей как-то сказал, что однажды в научных кругах слышал отзывы о Барабихине как о талантливом конструкторе с большим будущим. И Тася была благодарна Руцинскому за эту похвалу.

В общем, Тася решила, что ее совесть перед мужем чиста и упрекать себя ей не в чем.

...Ближайший воскресный день выдался на славу солнечный, жаркий. На небе – ни облачка. Еле ощутимый ветерок чуть-чуть покачивал листву деревьев, протянувшихся вдоль улицы.

Иван Васильевич Барабихин поздно ночью уехал из Москвы. Предстояли серьезные испытания новой машины. Андрей еще раньше предупредил, что в воскресенье он с утра отправляется к Зое, пробудет у нее весь день и, если забежит к сестре, то поздно вечером...

Тася встала рано. У нее предстояла встреча с Юрием (так она уже называла Руцинского), а до встречи с ним надо было зайти в парикмахерскую сделать маникюр.

Когда Тася вышла в коридор, соседка Анна Андреевна хозяйничала в кухне. На вопрос Таси, будет ли она дома, Анна Андреевна сказала, что скоро уйдет к знакомым.

– В таком случае не забудьте взять ключ от входной двери. Я приеду поздно...

Последние слова Тася произнесла уже за дверью.

По дороге к месту свидания (сегодня это был вестибюль станции метро «Сокол») Тася думала о том, что она все же очень мало знает Руцинского. Где он, например, живет? На ее вопрос об этом Руцинский ответил, что его жилищные условия, к сожалению, «неблестящие». «Кочую с места на место, все жду, когда в Моссовете подойдет моя очередь на комнату». Ту первую встречу с Тасей он объяснил счастливой случайностью. В тот вечер он задержался у приятеля, который живет совсем недалеко от дома Барабихиных. Руцинский выразил надежду, что, когда Тася лучше узнает и совсем хорошо будет относиться к нему, Руцинскому, она примет его приглашение и навестит его друга. Есть ли у него определенные служебные часы работы? Есть, конечно, но в редакциях к таким мелочам не придираются: пиши когда угодно, но приноси готовый материал. Холостой ли он, как говорил раньше? О да, холост. Если бы он в свое время встретил Тасю или такую женщину, как она, все было бы иначе...

Руцинский уже стоял у входа в метро. На нем был светлый спортивный костюм, через плечо повешен фотоаппарат. В руках – изящная коричневая папка. Руцинский выглядел очень привлекательным, и проходившие мимо девушки украдкой поглядывали на него. Он поспешил навстречу Тасе, крепко сжал в ладонях ее маленькие руки и наклонился, чтобы поцеловать их.

– Вы опаздываете?! – с легким упреком произнес он.

– Всего на десять минут... Это не в счет, – смеясь, возразила Тася и поинтересовалась:

– Куда мы сегодня отправимся? В Химки? Давайте покатаемся на лодке... Да что с вами,

Юрий, вы какой-то странный сегодня? – спросила она Руцинского.

И, действительно, всегда веселый, подвижной, Руцинский сегодня казался постаревшим, каким-то угрюмым и непонятным. Он стоял перед Тасей в напряженной позе. Улыбка исчезла с лица, на скулах выдавались желваки.

– Что с вами? – повторила Тася.

– Ничего особенного, уверяю вас, – секунду помедлив, ответил Рущинский. – Просто устал, много работал. Вот и сейчас – я сразу из редакции. – Он показал на папку и добавил: – К тому же у меня слегка разболелась нога... Что поделаешь, рана, полученная еще в сорок втором году. Но ничего, сейчас уже лучше.

Рущинский взял Тасю под руку и повел ее в сторону от метро.

– Куда же мы? – удивилась Тася. – Если в Химки, нам нужно на автобус.

– Мы поедem на такси. – Рущинский ускорил шаг, увлекая за собой Тасю.

В молчании они прошли почти квартал. «Как неудобно, мы почти у моего дома», – подумала Тася, боязливо оглядываясь по сторонам и пытаясь осторожно высвободить руку. Но Рущинский даже не заметил ее жеста. Он шел, нахмурив брови, плотно сжав губы и, казалось, думал совсем о другом.

«Фу, какой невежа!» – с обидой подумала молодая женщина. Ей стало не по себе, пропал интерес к предстоящей прогулке, и она уже пожалела, что встретилась сегодня с Рущинским.

Размышления Таси были прерваны самым неожиданным образом. Рука спутника дрогнула, он приглушенно застонал. Испуганно подняв глаза, Тася увидела искаженное от боли лицо Рущинского.

– Черт возьми... Я не могу идти, – смущенно пробормотал он. – Адская боль. Это у меня бывает. Скоро все пройдет.

Он беспомощно огляделся.

– Но я не могу стоять. Мне нужно забинтовать ногу... И... тогда будет легче.

Тася растерянно молчала... Что делать? Однако растерянность ее быстро прошла. Промелькнула мысль, что Юрий Рущинский не задумался и помог ей в трудную минуту... Почему же она?... И Тася решилась.

– Пойдемте, – твердо сказала она. – У меня дома сейчас никого нет. Вы посидите, забинтуете ногу – и все пройдет. Идемте!

– Благодарю вас, – прошептал Рущинский и шагнул вслед за Тасей.

Глава девятая. Прыжок «Ягуара»

Дни отпуска бежали быстро и весело. Химкинский пляж, стадион «Динамо», прогулки с Зоей в Серебряном бору и парках столицы, музеи, кино и, главное, никаких обязанностей! Гуляй и отдыхай вволю! И только календарь, висевший на стене офицерского общежития в гостинице, напоминал Андрею о том, как быстро летят дни.

Отпуском Андрей был вполне доволен, вся намеченная программа отдыха выполнялась почти без изменений. Даже «решительное» объяснение с Зоей получилось очень удачным и как-то естественно, просто превратилось в разговор двух влюбленных, которые в эти минуты очень мало следят за смыслом взволнованно произносимых слов, но всем сердцем, всем существом своим понимают, что отныне – они навсегда принадлежат друг другу.

В общем, все шло отлично. И только мысль о злополучном берлинском подарке нет-нет, да и омрачала настроение Андрея. За время отпуска он почти ничего нового не узнал. Однако успокаивал себя тем, что до отъезда в Берлин осталось еще много времени и что, наверное, полковник Дымов о нем не забыл и вызовет его, чтобы переговорить, объяснить...

У Барабихиных Андрей бывал редко, Тасю видел только иногда, короткие минуты; она всегда куда-то спешила, но все же упрекала брата за то, что он где-то целые дни пропадает и ни разу еще не привел к ним свою невесту Зою.

С Иваном Васильевичем Барабихиным Андрей виделся еще реже. Инженер-майор рано уходил на работу, домой возвращался поздно и зачастую, по словам сестры, уединялся в свой кабинет – святая святых! – и долго еще, сняв тужурку, работал за письменным столом. Андрею иногда хотелось зайти, поболтать с Иваном Васильевичем, пусть даже в поздний час. Но он не решался, так как, честно говоря, не только уважал, но даже немного побаивался своего ученого родственника. Неудобно как-то отрывать его от больших и важных дел.

В субботний день Андрей рано утром встретился с Зоей, которая была свободна. Они съездили за город, искупались, пообедали в маленьком, малолюдном ресторанчике, вечером побывали в театре и усталые, довольные хорошо проведенным днем, возвращались домой. Усевшись на скамейке неподалеку от дома, в котором жила девушка, они говорили о своей будущей жизни, строили планы, которые тут же заменяли другими, и даже спорили, безобидно и весело, по разным пустякам.

Ночью посвежело. Девушка зябко ежилась и прижималась к Андрею, и он в эти минуты чувствовал себя счастливым.

В общежитие Андрей вернулся поздно. Тихо, чтобы не разбудить соседей, прошел к своей кровати, разделся и через несколько минут заснул крепким, здоровым сном.

Утром Андрея разбудил дежурный гостиницы и сообщил, что его вызывают к телефону.

Андрей сразу узнал спокойный, с легкой хрипотцой голос. Полковник Дымов просил лейтенанта Рябина приехать к нему в министерство. Сергей Сергеевич извинился, что беспокоит в выходной день, но появилась необходимость повидаться и побеседовать.

Через полчаса выбритый, подтянутый лейтенант вышел из здания гостиницы. Воскресный день встретил Андрея Рябина ярким солнцем, гудками машин, шумом и смехом праздничной толпы. На площади стояли такси, опоясанные шахматными клетками. Андрей подошел к крайней машине...

В министерстве царил глубокая и, как показалось лейтенанту, торжественная тишина. Сергей Сергеевич Дымов сидел за столом и писал. Он приветливо, как старого знакомого, встретил лейтенанта, пригласил сесть и протянул папиросы.

– Курите, курите! Мне осталось дописать совсем немного.

Полковник продолжал писать, а лейтенант сидел, курил и думал. Промелькнула мысль, что Дымов, как и Барабихин, большую часть своей жизни посвящает работе. Интересно, есть

ли семья у полковника? Если есть, то, наверное, сейчас где-нибудь на даче. Может быть, домоладцы ждали полковника вчера, а он не приехал, и сегодня тоже не приехал. С какой-то неожиданной нахлынувшей теплотой посмотрел Андрей на склоненную седую голову Сергея Сергеевича, на его большие, рабочие, слегка дрожащие руки. – «Это от переутомления», – подумал лейтенант и отвел глаза. Окно было открыто, на подоконнике стояла ваза с увядающими цветами.

– Вот и все! – весело произнес Дымов и откинулся на спинку стула. – Признавайтесь, товарищ лейтенант, в графике сегодняшнего дня встреча со мной у вас не была предусмотрена? Андрей не ждал такого начала и слегка смутился.

– По совести говоря, – продолжал Сергей Сергеевич, – я сам по-другому хотел провести это воскресенье. Скажу вам по секрету, чертовски люблю играть в волейбол. – Он улыбнулся и почесал затылок. – Мы в Ильинском команду из дачников организовали с грозным названием «Ильинская сборная». Что, здорово? Звучит не хуже, чем сборная «Динамо»! Вот капитан сборной. – Он ткнул пальцем в фотографию мальчишки под стеклом. – Сердитый капитан. Наверное, исключит меня за недисциплинированность. Второе воскресенье на тренировки не являюсь.

Сергей Сергеевич совсем по-детски развел руками. Андрей, улыбаясь, смотрел на него.

– Ну а у вас все благополучно? – спросил Сергей Сергеевич.

– Все в порядке, товарищ полковник!

– Как здоровье сестры?

– Здорова! – ответил Андрей и опустил голову. Он чувствовал на себе испытующий, внимательный взгляд Дымова. Немного помолчав, полковник заговорил размеренно и тихо:

– Я очень хорошо понимаю вас, Андрей Игнатьевич.

Дымов впервые обратился к Рябину по имени и отчеству, и это прозвучало как-то особенно дружески.

– Я понимаю вас и состояние ваше... Вы ждете от меня подробностей, объяснений. Но, хотя я кое-что вам сегодня расскажу, вы сами понимаете, что в нашей работе молчание – первое и обязательное правило. Придет время – вы все, что надо и можно, узнаете. А пока надо ждать. В этом заинтересованы все мы и в первую очередь ваша сестра... О ней в вашей голове бродят всякие предположения. Поэтому хочу просить вас: не торопитесь делать выводы. Поспешные выводы, как правило, ошибочны. Я вот совсем недавно, – Сергей Сергеевич усмехнулся, – советовал то же самое другому молодому человеку...

Дымов сделал паузу и продолжал:

– А пригласил я вас, товарищ лейтенант, вот по какому поводу. Дело, которое мы с вами начали, – серьезное дело... Затягивается тугий узелок. И я прошу вас сегодня же, под любым предлогом, переселиться в квартиру ваших родственников Барабихиных. Ну, скажите, например, что в гостинице ремонт, переселение... Придумайте что-либо и переезжайте. Кроме того, прошу вас ближайшие два-три дня не оставлять сестру одну. Понимаю, что это нарушает ваши личные планы... Но что делать, так нужно.

Рябинин недоменно пожал плечами.

– Я готов... Но я не совсем понимаю, товарищ полковник...

Дымов развел руками:

– Поймете... потом поймете, лейтенант. Всему свое время. Надеюсь, моя просьба будет исполнена?

– Конечно, товарищ полковник.

– А теперь, лейтенант, вторая моя просьба. Дело, которое мы с вами начали здесь, будет, несомненно, иметь продолжение в Берлине. Когда вы вернетесь в Берлин, к вашей персоне, возможно, будет приковано внимание иностранных разведчиков. К вам, к вашему знакомому инженеру Костромину, к сыну фрау Гартвиг...

На лице Рябинина было написано такое искреннее изумление, что Дымов даже усмехнулся:

– Да, да, не удивляйтесь... Борьба! Враг ищет все ходы, все лазейки... Перед вашим отъездом, – я специально пригласил вас предупредить об этом, – вы должны будете навестить меня, и я вам дам некоторые советы, как вести себя, что делать в том или ином случае.

– Хорошо, товарищ полковник. Будет сделано.

– Уверен!.. Возможно, вам придется столкнуться с тем господином, которого вы видели в доме Марты Гартвиг. Так вот, могу сказать вам, что этот старик не кто иной, как владелец комиссионного магазина в Берлине, Густав Штрумме... Это, так сказать, его официальное лицо. Вот так-то.

Сергей Сергеевич постучал пальцами по столу.

– ...Но, вероятнее всего, господин Штрумме не только и не главным образом коммерсант и владелец магазина. Он занимается и другими, не торговыми, делами. Об этом мы тоже узнаем в самое ближайшее время, – уверенно добавил полковник.

Рябинин не выдержал:

– Значит, Гартвиг!.. А я-то ей верил!

Движением руки Дымов остановил взволнованного лейтенанта.

– Я только что советовал вам, товарищ лейтенант, не делать поспешных выводов. Легче всего обвинить человека, особенно за глаза. Старая Марта Гартвиг, как мне представляется, и погибла только потому, что была честной женщиной и могла разоблачить Штрумме, а может быть, и не только его... Не так давно она потеряла мужа, потеряла братьев. Ее старший сын замучен в застенках гестапо. Оставшийся, младший, шофер берлинского такси – активист Союза свободной немецкой молодежи. Он всегда может стать жертвой подкупленных хулиганов и провокаторов. Кто знает, может быть, угрожая смертью ее единственному сыну в случае отказа, господин Штрумме вынуждал Марту Гартвиг передать подарок вашей сестре. Какова цель? Не знаю, пока не знаю... А когда все это сорвалось – ее убили, чтобы замести следы.

Сергей Сергеевич помолчал и добавил:

– К тому же подарок был совершенно безобидный, всего-навсего маленькое колечко.

– Товарищ полковник, – нерешительно и взволнованно спросил Рябинин, – но сестра, Тася, какова ее роль во всем этом деле?

В голосе Андрея звучала горечь, и Сергей Сергеевич понял, что должен как-то рассеять сомнения юноши, подбодрить его.

Сергей Сергеевич вышел из-за стола, взял за руку лейтенанта, усадил его на диван и сам уселся рядом. Долгое время молчал, потом неожиданно поднялся, подошел к окну и стал разглядывать осыпающиеся цветы.

– Забыли воду переменить – и вот – пожалуйста, осыпаются! – проворчал он, бережно собирая лепестки, опавшие на подоконник.

– Вот так-то, лейтенант, – задумчиво заговорил он, возвращаясь и усаживаясь на диване. – Слишком часто мы забываем, что всякое живое существо требует внимания, заботы и любви... Я сегодня с утра одну семейную хронику прочел и попытался сделать некоторые выводы. Вот, послушайте...

...Жила была девочка, веселая, озорная. Родителей потеряла в первый год войны. Жила у тетки – мещанки и обывательницы. Самостоятельность рано получила, а серьезному отношению к жизни не научилась. Этакой попрыгуньей-стрекозой по жизни скакала, благо в прехорошенькую девушку превратилась. Был у девушки брат, комсомолец, серьезный паренек. Но он ушел в военное училище, стал занятым человеком и почти потерял сестру из виду. Вскоре девушка вышла замуж за очень хорошего и тоже очень занятого человека и сразу же уехала с ним за границу. Но и там она, по существу, была предоставлена самой себе. Все были заняты, всем было не до нее. За границей молодая женщина натворила немало глупостей... Но, к сча-

стью, вскоре вернулась на родину... Родился ребенок, родители в нем души не чаяли... Но мальчик умер, не дожив до двух лет... И женщина снова одна. Правда, многие находят применение своим силам, идут учиться, работать. С женщиной, о которой я вам рассказываю, лейтенант, этого не случилось...

Сергей Сергеевич умолк. Вытащил папиросу, закурил и продолжал:

– На этом пока семейная хроника обрывается. Но вменил я себе в правило, товарищ лейтенант, встречаясь с людьми, подобными этой девушке, или даже не встречаясь, а просто что-нибудь узнав о них, особенно тщательно разбираться: где кончается ошибка и где начинается преступление...

Андрей Рябинин, затаив дыхание, слушал Сергея Сергеевича. Он прекрасно понимал, о ком говорит полковник, и ждал, что тот продолжит разговор. Но полковник ничего больше не сказал. Он стал рассеянно поглядывать в окно и даже, как показалось лейтенанту, размышлять о чем-то другом.

Наступило долгое молчание. Неожиданно полковник спросил:

– Вы сестре о кольце говорили?

– Да.

– И что же?

– Ничего. Удивилась, пожалела, что не получила заграничного колечка, и через полчаса забыла.

На лице Сергея Сергеевича мелькнула улыбка удовлетворения. Он повернулся к Рябинину и стал задавать самые житейские вопросы: где бывает лейтенант, хорошо ли проводит свой отпуск, посетил ли Третьяковскую галерею, осмотрел ли все станции метро?..

Почти на все вопросы Андрей отвечал утвердительно. Он действительно многое успел повидать за короткий срок и снова чувствует себя старым москвичом.

Беседу прервал телефонный звонок.

Сергей Сергеевич быстро прошел к столу и снял телефонную трубку. Он внимательно слушал все, что ему сообщали по телефону, и лицо его сразу стало напряженным и даже тревожным. Изредка он ронял одно-два слова: «Так, понятно... Хорошо...» Потом добавил: «Оставайтесь на месте. Я сейчас приеду сам... Да, да, приеду...»

Дымов повернулся к Рябинину и в ответ на его молчаливый недоумевающий взгляд решительно и отрывисто сказал:

– Едем к Барабихиным, к вашей сестре...

– Что случилось? – Рябинин поспешно встал.

– Зверь вышел на тропу, и мы идем по его следу... Быстрее!

А в эти часы в квартире Барабихиных разыгрывался трагический, но еще не последний акт постановки, авторами и режиссерами которой были шефы заокеанской разведки, засевшие в Западном Берлине.

...Когда Руцинский, прихрамывая, вошел в комнату, которую Тася именовала столовой, он быстро огляделся. Его профессионально наметанный взгляд скользнул по мебели, по стенам, увешанным цветными тарелочками и гравюрами, и задержался на столике, на котором стояла небольших размеров радиолы. Затем он опустился в широкое кресло, заботливо придвинутое Тасей, откинулся на спинку и вытянул ноги.

– Вам очень больно? – спросила Тася. – Я сейчас достану бинт.

Она стала рыться в шкафу и вынула домашнюю аптечку, но Руцинский остановил ее.

– Не надо, – сказал он.

Тася недоуменно оглянулась и увидела, что ее знакомый уже совершенно прямо сидит в кресле и с лица его исчезло страдальческое выражение.

– Не надо, Таисия Игнатьевна, – повторил он. – Присядьте, пожалуйста. Мне нужно с вами поговорить об очень серьезном деле.

– Но ваша нога... Разве боль уже прошла?

– Да, прошла... Садитесь же, прошу вас!

В голосе Рущинского Тася уловила едва заметные нотки нетерпения. Она села на стул, стоявший рядом с креслом, и шутливо спросила:

– О каком серьезном деле вы собираетесь говорить? Уж не хотите ли вы объяснить мне в любви? Прошу не забывать – у меня есть муж.

– О нем-то я и хочу поговорить с вами, – медленно, чеканя слова, сказал Рущинский.

– О Ване?... Чем же он вас так заинтересовал?

Но Рущинский ответил не сразу. Он внимательно по смотрел на молодую женщину, провел языком по внезапно высохшим губам и, сжав ручки кресла, словно весь подался вперед.

Сейчас он ставил на карту все. Круг замыкался. Он был уверен, что, выполняя задание, полученное в Берлине, не допустил ни одного промаха, ни одной ошибки, и все же волновался. В случае удачи его ждали деньги, большие деньги... Он мог год, два ни о чем не думать, жить в свое удовольствие... В случае же неудачи... Но неудачи не могло быть. Эта легкомысленная молодая женщина, которая сейчас сидит рядом с ним, – в его руках!

Риск? Да, риск, но кто же в его положении не рискует? Ошеломляющая неожиданность, внезапность, лобовой удар – вот что должно обеспечить успех. Время не ждет, шефы торопят...

Еще совсем недавно Рущинскому, правда, тогда он был не Рущинский, пришлось выполнять подобное задание в Германии, но тогда все было проще, а сейчас...

– Послушайте, Таисия Игнатьевна. – Он начал тихо и вкрадчиво. – Меня интересует работа вашего мужа, некоторые цифры, расчеты, чертежи. Я знаю, вы мне сами рассказывали, что Иван Васильевич помногу работает дома...

Тася, широко раскрыв глаза, смотрела на своего гостя, улыбка постепенно исчезала с ее побледневшего лица. А Рущинский продолжал:

– Я не хочу, чтобы вы меня ошибочно поняли, вы мне дороги, мне дорога ваша честь, ваше доброе имя. Но у меня нет выбора. Я могу сейчас, здесь, немедленно передать вам компрометирующие вас документы, но только при одном условии. Дайте мне познакомиться с материалами вашего мужа. С его записными книжками, черновыми тетрадями, дайте мне возможность познакомиться с его сейфом, с ящиками письменного стола. Я ничего не возьму, уверяю вас, я только... – Рущинский показал на свой фотоаппарат.

– Негодяй! – задыхаясь, проговорила Тася и вскочила со стула. – Так вот вы кто! Уходите немедленно, иначе я...

– Успокойтесь! – Рущинский встал и шагнул к ней. – У меня слишком мало времени доказывать вам, что я не враг, а ваш друг. Я совсем не хочу предавать огласке ваши встречи со мной, посещение мною вашего дома. Все это навряд ли будет приятным для майора Барабихина. Но суть даже не в этом... Вот! – Рущинский открыл свою папку, вынул оттуда несколько небольших бумажек, похожих на бланки фототелеграмм, и поднес их к глазам Барабихиной.

– Это копии ваших расписок, которые вы давали в Берлине господину Штрумме... Можете убедиться.

Тася взглянула на бумажки. Да, это был ее почерк... «Расписка. Выдана господину Штрумме в том, что...» А вот вторая расписка, третья...

На секунду ей стало легче. Какие же это неприятные документы? Она несколько раз брала вещи в долг, давала расписки, потом долг покрывала... Что же тут плохого?

Прижимая руки к сильно бьющемуся сердцу, стараясь говорить как можно спокойнее и тверже, она ответила:

– Я не знаю, как к вам попали эти бумажки... Можете их посылать куда угодно... Я покупала в магазине Штрумме – и за все расплатилась.

– Расплатились? – насмешливо протянул Рущинский. – А где доказательства? Нет, вы не расплатились... За услуги, которые вам оказал господин Штрумме, он требует тоже услуги... Той, о которой я уже вам сказал...

Услуги!.. Мгновенно в памяти Тася всплыла картина ее последней встречи со Штрумме. Чуть согнув в полупоклоне свою высокую, худую фигуру, этот любезный старик говорил что-то такое об услуге за услугу. Он действительно оказал ей услугу, отпуская вещи в кредит, но какую ответную услугу могла оказать ему она? Тася тогда не придавала его словам никакого значения, так же как не придавала значения и распискам. Пустая формальность! Только после бурного объяснения с мужем она стала смутно догадываться, что Штрумме неспроста так охотно предоставлял ей кредит и даже уговаривал не стесняться и брать побольше... Очевидно, у него были какие-то неизвестные ей, тайные намерения. И его совет ничего не говорить мужу, и его слова о взаимном секрете приобрели новый, опасный смысл.

Да, еще там, в Берлине, Тася стала понимать, что совершила большую ошибку, и поэтому так настойчиво торопила мужа поскорее уехать домой, в Москву. Казалось, что все давным-давно ушло в прошлое, и ей никогда не придется ни о чем вспоминать. И вот сегодня, сейчас, ей напомнили об этом. Могла ли она даже подумать о том, что придется так ужасно расплачиваться за свои поступки там, в Берлине!.. Как может теперь она доказать, что никаких обещаний Штрумме не давала, что полностью расплатилась с ним и вообще даже не думала ни о чем плохом?..

Да, доказательств у Барабихиной не было. Отчаяние, страх сжимали ей грудь...

– Уходите немедленно! Уходите! Я буду звать на помощь! – говорила она.

Рущинский угрожающе поднял руку.

– Тише! – властно сказал он. – Вы только погубите себя! Не забывайте о муже... Вам не достаточно этих документов? Хорошо! Я вам представлю еще один, подтверждающий ваши отношения со Штрумме. Вот он!

Рущинский шагнул к радиоле, быстрым движением открыл крышку, вынул из своей папки целлулоидную патефонную пластинку и запустил механизм. В комнате зазвучала чудесная русская песня «Метелица». Пел Лемешев. Тася подняла голову и расширенными от удивления и страдания глазами следила за Рущинским. Поставив пластинку, он закурил и посмотрел на Тасю. На какое-то мгновение песня как бы отгородила ее от кошмара, который опутывал ее, душил.

«...Ты постой, постой, красавица моя...» – пел Лемешев. И вдруг песня оборвалась. Наступила пауза, и затем скрипучий деревянный голос на ломаном русском языке четко произнес: «Пусть фрау Барабихин не вольновальсь... Это мой кляйне презент фрау...»

«О, господин Штрумме, – услышала Тася свой голос. – Но как на это посмотрит муж?»

И снова скрипенье на ломаном языке: «Вы умный женщина. Муж ничего не должен знать... Мы с фрау Барабихин будем иметь, как это по-русски, – гехейм... секрет... Когда-нибудь фрау сделает мне тоже услуга за услуг... Абер аллее... Все будет в секрет...»

Рущинский, сунув в пепельницу окурок, остановил диск радиолы, снял пластинку.

– Слыхали? – спросил он. – Убедились? Не думаю, чтобы вам доставило удовольствие прослушать эту пластинку еще раз, в кабинете следователя, после того как вас арестуют, а может быть, и не только вас...

Тася была окончательно раздавлена, теряла последние остатки сил и самообладания. Рущинский видел это и спешил.

– Все, что вы сейчас прочли и прослушали, я оставляю вам, а сам растворюсь, исчезну. Вы меня никогда больше не увидите, слышите – никогда! Но услуга за услугу. Я пройду в кабинет, просмотрю бумаги, и никто, ни одна человеческая душа об этом не узнает.

Говоря это, Руцинский лгал. Он отлично понимал, что в случае согласия на эту «единственную» услугу Барабихина окончательно окажется у него в руках. В следующий раз ему уже не придется церемониться с нею.

Он подошел к двери кабинета и взялся за ручку. Остановившимся взглядом следила Тася за своим страшным гостем... Что делать, что делать?!!

Руцинский уже открыл дверь и шагнул к письменному столу, на котором лежали какие-то бумаги, блокноты, книги. В глазах шпиона вспыхнули алчные огоньки. Он нагнулся над столом, пытаясь определить, что представляет наибольший интерес, что сфотографировать для начала.

И в этот момент, в это решающее мгновение, из коридора донесся звонкий голос Володи:

– Таисия Игнатьевна! Вы дома?

– Дома, Володя! – нашла в себе силы крикнуть Тася.

– Я через минуту зайду к вам.

Руцинский вздрогнул и выругался шепотом. Дьявольщина! Все шло хорошо, и вдруг этот... Будь ты проклят!

Руцинский сжал кулаки. Лицо его побелело от ярости, но он сразу же овладел собой. Надо немедленно что-то предпринять. Дорога каждая секунда, сюда сейчас войдет кто-то третий – и еще неизвестно, как поведет себя Барабихина. Из-за этого нелепого случая может провалиться весь намеченный и тщательно разработанный план. И тогда «Ягуару-13» – конец! Узнав о провале, старик в Берлине, наверно, выругается сквозь зубы и... прикажет вычеркнуть его из списка...

Нет, он не собирается сдаваться. То, что не удалось сегодня, удастся завтра, именно завтра. Может быть, это даже к лучшему. Барабихина убедится в безвыходности своего положения, у нее будет достаточно времени для размышления. И тогда... все дальнейшее пойдет легче.

И Руцинский решился. Почти не раздумывая, он схватил со стола первую попавшуюся под руку записную книжку в темно-синем коленкоровом переплете и быстро подошел к Барабихиной.

– Завтра, ровно в двенадцать, я жду вас у метро «Сокол», – шепотом сказал он. – Если не придете – вот!.. – Он показал записную книжку мужа. – Я вынужден буду... Завтра я верну вам все – блокнот, пластинку, расписки... Жду ровно в двенадцать!

Тася молча кивнула головой. Говорить она не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.